

1.

Коршун уходил, хотя по его следам шли лучшие силы областного уголовного розыска. Порой казалось, его так обложили, что даже тень его, а не только плоть, была схвачена за горло, а он растворялся в разноголосице южных городов, как призрак, словно проваливался сквозь землю, оставляя после себя осточертевший нам за шесть лет запах едкого одеколona «Гвоздика». Он оправдывал свою кличку «Коршун». Невероятно, но в затаенных уголках моего сознания, когда я его не контролировал, дальним светлячком помаргивала суеверная мыслишка: «А может, действительно, он взлетает из всех наших капканов в белое раскаленное небо?».

Двое московских ребят, прибывших к нам на помощь ввиду чрезвычайных событий, опытные сыщики Леонид Затейкин и Василий Старков, вызубрившие все приметы Коршуна, изучившие его фотографии более пристрасно, чем фотографии любимых, вышли на него случайно в пригородном совхозе. Москвичи-орлы, на их счету такие задержания, что нам и не снились. Затейкин, к примеру, в Курске попал в тщательно подготовленную засаду. Сразу два ножа уперлись в него – один под левую лопатку, другой – в живот. Еще одна потная рука полезла за пояс, где под пиджаком был бесполезный теперь пистолет. Рядом тяжело дышали еще двое из банды, ограбившей кассу крупного завода, оставившей после себя два трупа, но никаких следов. Так вот, этот самый Леня Затейкин, испуганно бормотнув: «Ну что вы, парни, все, берите», – вдруг резко присел, не успев ощутить, как два ножа чиркнули кровавые полосы по спине, груди и подбородку, и мощными ударами ног в кромешной темноте уложил всех пятерых, да так прочно, что успел и свет зажечь, и крикнуть на помощь прохожих, и дожидаться милицию, не пустив в дело оружие. Таким же лихим парнем был и Вася Старков, задержавший и обезоруживший в поезде двух опасных преступников, переодетых в форму военных. Они-то, москвичи, и вышли случайно, после разговора со сторожем совхозного магазина, на Коршуна. Конечно, говоря – случайно, я понимаю, что это не совсем так. Москвичи пользовались нашей информацией, изучали наши версии, знали наши планы розыска Коршуна, то есть практически знали о нем все – от привычек, вкусов, привязанностей, до размера носков.

А вышли все-таки случайно. Намотившись в жару по области, они возвращались в Приморск автобусом, который умудрился сломаться за десяток верст до города, прямо напротив совхозного магазина. Была уже ночь, но свет в помещении горел. Мысль о воде, или, на худой конец, о пиве возникла не только у москвичей. Еще двое мужчин двинулись к магазину. Магазин состоял из двух помещений. В первом, освещенном, сидел сторож.

— Ну, что барабаните? – довольно приветливо поинтересовался сторож, видимо, обрадованный возможностью поговорить. – Нюрка ушла. Чего ей, вас, штоль, дожидаться? Магазин работает до девяти, а счас... – дед посмотрел на фонарь, – а счас почитай одиннадцать. Дак к ней и хахиль приехал – они коньяк дуют с конфетами «Мираж»...

Словоохотливый сторож собрался было продолжать, но Василий Старков, скорее по инерции, чем в надежде получить какие-то сведения о Коршуне, спросил:

— А что это за парень? Может, это мой друг Жора Фролов? Такой высокий блондин?

— Блондин? – чуть ли не брезгливо сплюнул дед. – Скажешь ишшо... он такой же блондин, как и я... – указал дед на свою абсолютно голую, как яйцо, голову. – Тоже еще скажут, блондин... – и дед ясно и в подробностях нарисовал полный портрет... Коршуна.

— Счас он двенадцатичасовым отбудит, хахиль-то Нюрки. Счас его увидишь... Ошарашенные негаданной удачей, но действуя четко, хоть и торопливо, Затейкин и Старков послали одного из попутчиков – инженера, показавшегося им наиболее толковым, в сельсовет звонить в милицию и прокуратуру, попытаться найти участкового, а сами с помощью оробевшего деда разыскали дом Нюрки, мысленно решив действовать по обстоятельствам. Коршуна надо было брать во что бы то ни стало. Каждый час его пребывания на свободе мог обернуться еще одной трагедией. Он знал, что пощады не будет. Терять Коршуну было нечего. Бесшумно, как тени, они проскользнули во двор, подкрались к двери, решив с нее обследовать дом, возможные пути бегства Коршуна, если подошедшая подмога его ненароком спугнет.

В доме ярко горел свет. Слышалась музыка. Без единого скрипа они поднялись на крыльцо и... дверь перед ними широко распахнулась. На пороге стоял, истово и широко зевая, всклокоченный мужик в трусах, распахнутой рубашке и яростно скреб грудь.

— Чего вы тут шебуршитесь? – равнодушно спросил он. – Небось за Нюркой? Все водки вам мало?

— Да, нам две бутылки, – приглушенно сказал Старков. – Вот брат ко мне приехал, – кивнул он на Затейкина, уже стоявшего так, что мужику нельзя было закрыть дверь.

— Бес с вами, заходите. Может, Нюрка и даст вам водки. Она сегодня добрая, — он странно хохотнул и широким жестом пригласил входить.

Сжав рукоятки пистолетов за ремнями, держась у стен по разные стороны коридора, они одновременно впрыгнули в открытую комнату и нашли там молодую женщину в халате, полностью обнажавшем ее полные ноги, тихо посапывающую на диване. Мгновенно сфотографировав все это взглядом, Старков и Затейкин бросились один в спальню, другой в кухню. Дом был пуст. Еще колыхалась занавеска над входной дверью от их прикосновения, а они уже поняли, что Коршуна нет. Через две-три секунды, столкнувшись у стола, заставленного бутылками и закусками, ошалело взглянув на сидящую с пьяными всхлипами женщину, они одновременно выдохнули:

— Мужик!

И мгновенно увидели, что открыто окно, что нет мужской одежды и обуви, и поняли уж наверняка: Коршун ушел. Ушел талантливо, психологически верно все рассчитав: и темноту, и обстановку, и убежденность опытных оперативников, что Коршун не будет действовать так нагло – выйдет на крыльцо в одних трусах и без оружия. А он вышел. Потом, остыв от пустой, для очистки совести, погони, отбросив эмоции, они казнили себя, что вроде бы мимо их сознания прошло, что и рост мужика совпадал с приметам, что и картавил он по-коршунски, но темень была и стоял он перед ними в одних трусах, и в комнату приглашал, не отстраняясь, и в голосе его не было тени испуга...

В помещении уголовного розыска Приморска, среди нас, орлы-москвичи чувствовали себя неловко, натужно острили, прислушиваясь, как скрипит, набирая

скорость, знакомая машина розыска, перекрывая Коршуну, казалось бы, все до единой лазейки, высаживая у каждой боевые вооруженные посты – людей, чье повседневное ремесло – обезвреживать преступника.

Потом, после того, как об инциденте доложили по инстанциям и выслушали от инстанций все что полагается, самый непосредственный Леня Затейкин честно скажет:

— Чего там, Вася. Опростоволосились. Актер в нем, гаде, пропал. И какой актер! Но ничего, если не отзовут, мы с ним посчитаемся. Доиграем роли...

— Хорошо, что он в вас дырок не насверлил. А то бы некому было бы роли разучивать. Видно, рисковать не хотел, – досадливо сказал новый начальник приморского уголовного розыска майор Лапиньш, проработавший четырнадцать лет в органах внутренних дел города, и знавший, что в таких случаях начальство не всегда удовлетворяется телефонными нотациями.

— Он, действительно, прекрасный актер и находчивый человек и его нахрапом не взять, – сказал обычно молчаливый Алеша Петров, мой закадычный друг еще со школьных времен.

— Ну, конечно, конечно, он же ваш дружок, – так же досадливо поморщился Лапиньш. – Он необыкновенный...

— Никакой он мне не дружок! И никогда не был! Он – преступник, убийца и я его собственными руками... – вскинулся, побелев, Петров. – И прошу выбирать выражения. Если мне не доверяют...

— Да не кипятись ты, – спохватившись, миролюбиво прервал Алексея Лапиньш. – Никто так не считает. Просто настроение собачье. Уйдет ведь гад из области – и вовек пятна не смоет с уголовного розыска. Он-то, Коршунов, нас всех замарал. И тем, что сняли начальника городской милиции, начальника уголовного розыска и замполита с должностей, нас еще не отмыло. Надо нам его взять самим. И здесь.

— Надо его просто взять. Пусть москвичи, пусть ребята из области, но взять! Он ведь Коршун, он ведь знает, что его ждет. А жизнь, да еще чужая, – это для него не помеха, – успокаиваясь, не согласился Алеша Петров и посмотрел на меня.

— Да, правильно, – неохотно промямлил я, потому что тоже чувствовал себя неловко, так как пять лет жил с Алешей и Коршуновым под одной крышей, потому что мы все трое были инспекторами уголовного розыска, делали одно дело – и один из нас предал, гнусно и страшно перечеркнул нашу с Алешкой убежденность в том, что в милицию не может идти человек, способный предать.

Конечно, эту ночь никто не спал. Мы два-три раза выезжали в разные концы города, где наряды милиции задерживали людей, похожих на Коршуна; мы пили под утро кофе, о чем-то говорили, куда-то звонили, но каждый думал об одном: как же это произошло?

2

В уголовный розыск Приморска мы все трое пришли почти одновременно. Коршунов – всего на два месяца раньше. Мы с Алешей Петровым были среди лучших выпускников Московского юрфака, с правом преимущественного выбора места работы. Но, напичканные до макушки самыми современными знаниями и достижениями криминалистики, мы не замахивались на легендарные уголовные

розыски, а попросились в Приморск, где было две вакансии. Мы со снисходительным доброжелательством думали о будущих коллегах, горя благородным стремлением щедро выделить им из кладовых наших знаний – каждому по потребностям. Я даже, как член общества «Знание», – гулять так гулять! – решил прочесть коллективу две-три лекции о последних достижениях криминалистики в совокупности с научно-техническим прогрессом. Растроганные собственным благородством и величием своих намерений, мы вошли в уголовный розыск – маленький, по нашим понятиям, домик в глубине огромного зеленого двора, почему-то заставленного пустыми металлическими бочками. Представившись дежурному, мы узнали, что начальника и заместителя нет, их куда-то вызвали. Рассказав о последних московских новостях, мы двинулись в «инспекторскую» комнату в сопровождении дежурного пожилого добродушного старшего лейтенанта, судя по выговору – украинца, но с русской фамилией Димитриев. Распахнув обитую клеенкой дверь, сопровождающий гулко крикнул куда-то в глубину ее: «Коршунов, принимай пополнение!» – махнул нам рукой – и был таков.

Тогда мы впервые увидели Коршуна. Ровно шесть лет назад. За столом начальника отдела, уткнувшись в бумаги, сидел крепко сбитый, примерно нашего возраста парень, в синей рубашке с закатанными выше локтя рукавами, с потухшей сигаретой в зубах и никоим образом не реагировал на вежливое «здравствуйте». Наши новые с иголочки лейтенантские мундиры в тот момент, признаюсь, казались нам, если не маршальского, то генеральского достоинства – и я не смог сдержаться. — Я где-то читал, что культурные люди отвечают на приветствие.

Тогда он поднял глаза. Я и сейчас толком не могу объяснить, что у него за глаза. Мне казалось, они в зависимости от настроения Коршунова меняли цвет. В минуту благодушия они слегка теплились желтоватыми светлячками, именно светлячками, а не угольками, ибо в них не было тепла. Когда он злился, зрачки куда-то уплывали и глаза заливало серой лавой, из-под которой вспыхивали резкие, как искры сварки, огоньки. В эти мгновения в них было просто жутко смотреть. Они могли быть разными, его глаза. И хитрыми, и умными, и злыми, и колючими, и издевательскими, словом всякими, но никогда, подчеркиваю, никогда они не были добрыми. И еще, пожалуй, никогда они не были растерянными. Сейчас в них был свинец. Он вышел из-за стола, подошел вплотную ко мне, и, раскачиваясь на носках, уставился мне в глаза, словно хотел загнипотизировать. Потом раздался его сочный, «ефрейторский», с картавинкой голос.

— Зарубите себе на носу, корнет, перед вами – лучший сыщик Приморска и его окрестностей. И с сей секунды, вы, сопливые юнкера, должны обращаться ко мне не иначе, как руки по швам с обязательным – «ваше благородие». Повторите!

Он просто загнипотизировал меня своим взглядом и голосом и мне стоило немало усилий сказать Алеше довольно спокойно:

— Пойдем, Алеша, тут не с кем разговаривать. Пусть их благородие упражняется в кретинизме перед зеркалом.

— Подожди, – тихо попросил Алексей и подошел к Коршунову.

— Послушайте, – как всегда мягко сказал он. – Внимательно послушайте мои слова. Я вам разрешаю подшучивать надо мной, но запрещаю меня оскорблять!

Глаза Коршунова подернулись сумерками. Он сделал полшага к Петрову.

— А если я послушаюсь и наплюю на ваше запрещение?

Тогда я вам влеплю по физиономии, – так же мягко, но решительно ответил Алеша. Секунды три Коршунов, не мигая, смотрел в лицо Петрову, словно пытаюсь запомнить его на всю жизнь. Потом его глаза замерцали холодными светлячками.

— Вас что, дорогие коллеги, в университете учили бить по мордам лучших сыщиков страны? Только отвечайте быстро, без запинки, словно самому профессору права Илье Борисовичу Рошалю.

— Нас в университете учили уважать честь и достоинство человека. И лучше других это делал профессор Илья Борисович Рошаль, – наконец подал голос и я, решительно выдвинув подбородок.

— Так, – будничным голосом, словно ничего не случилось, словно мы только что вошли, произнес Коршунов. – Мне поручено устроить вас на квартире. Я это сделал. Мы будем жить у одной симпатичной старушки – в двухкомнатной квартире. С отдельным входом, правда, через общую кухню. Комнаты смежные, одна побольше, другая совсем маленькая. Я буду в маленькой, вы – в той, что побольше. Плата божеская. Вопросов не задавать! Следовать за мной!

Он закрыл ключом стол и вышел из комнаты, даже не взглянув на нас. Нам же ничего не оставалось, как подхватить свои вызывающе желтые, новенькие, похожие, как близнецы, чемоданы, и вприпрыжку бежать за Коршуновым, как бегут виноватые дети за рассерженным отцом. Не проронив ни слова, мы прошагали метров сто вслед за ним разу не оглянувшись Коршуновым и вошли в аккуратный дворик, где из кустов появились на свет божий два окна с белыми занавесками.

Очаровательная старушка швырнула нам ключи и боцманским голосом изрекла:

— Баб водить не разрешено. Здесь не притон, а дом покойного, всеми уважаемого работника пожарной команды.

— Мы не собираемся, – с достоинством начал я, но бабка, круто развернувшись, уже медленно уплывала, не удостоив нас светской беседы.

Мы с Алешей поставили свои чемоданы и уставились друг на друга. Я не сдержался и фыркнул. Тут же из своей каморки возник Коршунов. Он поднял палец и изрек:

— Прошу раскрыть ваши лопухие уши и запоминать...

Но Алеша не дал ему закончить. Он легко, без особых усилий, отвел вниз указующий перст Коршунова, и терпеливо, как ребенку, сказал:

— Я еще раз подчеркиваю, что не потерплю никаких оскорблений и даже нравоучений. Третий раз я повторять не буду.

Глаза Коршунова снова подернулись серым и зрачки стали уплывать в какие-то неведомые глубины, черты лица заострились. Они стояли друг перед другом, оба, словно отлитые из стали, крепкие, мускулистые.

Я вмешался:

— Хватит вам. Давайте лучше выйдем, город посмотрим.

— Идите сами, – с трудом разжал сведенные злостью челюсти Коршунов. – Идите, а я подумаю, кому надо три раза повторять, а кто поймет с первого раза.

Он прошел в свою комнату, закрыл дверь, и тут же кровать испуганно взвизнула от рухнувшей на нее тяжести крепкого тела. Я знал Алешу Петрова – и потому вмешался. Знал, как говорится, с младых ногтей. Помню, в шестом классе, он, тогда худенький, застенчивый мальчик, патентованный зубрила и отличник, поразил нас, трудных ребят, верховодивших среди сверстников. В школе тогда вспыхнула мода

на мальчишеские потасовки на больших переменах. Эта мода, так же, как игра в «стеночку», или курение, или рытье всяческих «штабов», или катание по перегруженным транспортом улицам на подшипниковых самодельных тележках, и десятки других, невесть откуда возникали, словно охватывали всех нас страшной, не поддающейся контролю и лечению эпидемией, и так же мгновенно исчезали невесть куда, напрочь вытесненные очередными.

Мы добросовестно сияли фиолетовыми «фонарями», пугая педагогов и родителей, и ежедневно шли на баскетбольную площадку, где выбирали себе противника. Не знаю, по каким-то молчаливым, неписанным законам в этих схватках – «до крови» и «до пощады» не принимали участия отличники – и это никого не удивляло и не возмущало, хотя они охотно посещали наши баталии, переходя от одной пары дерущихся к другой. Бессменным победителем всех без исключения поединков был тогда ваш покорный слуга. Причин тому было много. И то, что я рос на рабочей окраине, где подраться для ребят было делом обычным, вроде купания в речке, и то, что старший брат был уже опытным боксером и многому меня научил, и то, что от природы я был крепок, с отличной реакцией, и, наконец, то, что я этим самоутверждался, ибо знал за собой немало грешков чисто нравственного характера. И главным из них был тот, что я постоянно... боялся драк. Поэтому я стал душой и центром извержения новоявленной моды и главным ее рыцарем и глашатаем. Называлось все это просто: идем постукаемся. Ты подходил к выбранному тобой мальчишке и произносил:

— Идем постукаемся!

И он, опять же по неписаному кодексу мальчишеской чести, должен был отправляться на бой. Отказаться было просто нельзя. Таких презирали, смотрели, как на пустое место, над ними смеялись даже первоклашки. Стучались «до крови» или «до пощады» по договоренности. «До крови» – это проще. Расквасил нос или губу – победил. Бой прекращался. «До пощады» – посложнее, я бы сказал, попринципиальнее. Здесь дрались до тех пор, пока кто-нибудь не произносил позорное «сдаюсь». Должен сказать, что бились в основном «до крови». Драк «до пощады» было две-три. И я в них не участвовал. Ибо, если один из противников не хотел драться «до пощады», его никто не имел права заставить – тоже неписанный закон. Скажу и то, что дрались честно. Истово соблюдался рыцарский кодекс – выбирать только ровесника, не подходить с предложением драться к заведомо слабому, не бить ногами и ниже пояса, не трогать лежащего, не высмеивать побежденного.

Того, кто нарушил хоть один из принципов нашего кодекса, ждало бы всеобщее презрение и никоим случаем не исключалась коллективная трепка. В тот раз я вызвал «постукаться» Генку Нертика из параллельного класса, мальчишку крепкого и верткого, одного из признанных турнирных бойцов. Дрались «до крови». Бой был нелегким. Генка ловко увертывался от моих кулаков, а его то и дело доставали меня. Вокруг нас (все-таки дрались самые, как бы теперь сказали, именитые соперники) сгрудились поглазеть почти все участники. Я чувствовал, что все они молчаливо болели за Нертика – всегда болят против лидера. А он просто превосходил самого себя. Мне никак не удавалось так его достать чтоб на губах или на носу мелькнула хотя бы капелька крови. А до моего носа и губ уже раза два-три дотянулись его кулаки. Я почувствовал во рту соленый вкус крови. Ощущение катастрофы, детское

а потому многократно усиленное воображением, накатывалось на меня со страшной, сковывающей движения, силой. Я сознавал, что еще несколько секунд – и выступит из губы кровь – и тогда позору тогда все, конец, мрак и жалкое существование побитой, ничтожной личности по имени Витя Куренков. Поэтому я, Закрыв глаза, отчаянно замолотил руками, но через секунду – другую, услышал роковое:

— Кровь.

Это вопил отличник и зубрила Алешка Петров, хлюпик и вообще очкарик. Я в отчаянии остановился и, потеряв разум от позора, с ненавистью закричал прямо в лицо Петрову:

— Чего орешь, дистрофик? Заткнись, а то как вмажу!

И замахнулся. И не удержался. И зло толкнул его в грудь.

Он устоял на ногах. С каким-то невыразимым удивлением, удивлением ребенка, которого незаслуженно ударил взрослый, он посмотрел на меня, и бросил, словно булыжником в голову:

— Мерзость.

И повернулся, и пошел в класс, так как уже всюду заливался звонок, а он, Алешка Петров, все-таки был отличником.

И только тогда я прозрел, осознал себя, свое тело, и увидел окружающих, и то, что кровь текла не из моей губы, а из носа Генки Нертника. Признаюсь, что через час я забыл о своих страхах, и угрызениях совести, крутясь в извечном водовороте неотложных мальчишеских дел но на следующий день мне напомнил об этом эпизоде Алешка Петров. Он подошел ко мне на большой перемене и громко, так что слышали все, потребовал:

— Идем стукнемся!

Если бы он взмахнул руками, полетел – я бы дивился меньше. Я глядел на его тщедушную фигуру с тонкими, как хворостинки руками, и меня потихоньку разбирал смех. Стараясь сдержать его, я деланно возмутился:

— Да ты что? Хочешь, чтоб я за тебя отвечал? Стукну, не рассчитав сил, – и баста. Нет отличника Петрова, есть покойничек Петров.

Он спокойно выслушал меня и спросил:

— Так ты что, боишься?

Это было дико, нереально. С одной стороны, отличник, доходяга – нельзя драться. Но с другой вызов – от которого тоже нельзя отказаться. Я решил апеллировать к «общественности», заодно припугнув Алешку. Я картинно заорал:

— Смотрите, я его не вызывал. Он сам лезет. Так что, если я его прикончу – моей вины в этом не будет...

Все молчали, не зная, что сказать. Случай действительно был исключительный. Генка Нертник, вертевшийся тут же, компромиссно предложил:

— Ты двинь его, Васек, разок – юшка пойдет – и хватит, на то он и отличник.

— Нет, Гена, – мягко, но твердо вмешался Алеша Петров. – Я стукаюсь с Куренковым не «до крови», а «до пощады».

Генка удивленно присвистнул и с искренним сочувствием спросил:

— Да ты что, доходяга?! Это же Витька Куренков! Это ж-ж-ж Витька!

— Нет, Гена. Я хочу драться «до пощады». А когда Куренков сдастся, я вызову стукнуться тебя, за то, что ты меня обозвал доходягой. И тоже «до пощады».

На баскетбольной площадке установилась абсолютная, просто потрясающая тишина. Было даже слышно, как в учительской физрук Олег Михайлович «травил» новой «французенке» Нине Васильевне очередной анекдот.

Это было чер-те что? Это обо мне, бессменном победителе всех мальчишеских драк, этот дохлый очкарик говорил походя, без тени сомнения, что я сдамся. И на глазах у всех.

Такового я не простил бы и самому лучшему другу, не то что какому-то очкарику. На моей стороне было и общественное мнение: обыкновенный зубрила позорит красу и гордость школы, имеющего таки« заслуги, как приводы в детскую комнату милиции дважды исключаемого за курение и драки, успешно преодолевавшему класс за классом с «двойки» на «тройку», самого Витьку Куренкова! Да что он, сдурел, этот тихоня?!

— Ну, давай, очкарик, выходи, буду из тебя чахохбили делать. Алеша кому-то отдал очки и спокойно встал напротив меня, смешно вытянув руки вперед. Драться он, как и всякий уважающий себя отличник, не умел. Бестолково махая руками, он кидался на меня как ураган, и проносился мимо, под громкий хохот болельщиков. Я изящно, как матадор от быка, увертывался от его наскоков, посылая вдогонку Петрову легкий тумак, так как злости на него у меня в принципе не было. Но он поворачивался и снова мчался на меня, он все поворачивался и мчался...

Впервые я почувствовал, что это серьезно, когда; прозвенел звонок, а он и не подумал идти в класс. Он мчался на меня. Я, наверно, первый заметил эту нелепость, эту дикость, и тревога еще приглушенна ворохнулась где-то в самой дальней глуши моего сознания. Драку прервал физрук, разогнавший всех нас – и бойцов и болельщиков по классам. Долге еще на уроках продолжалось горячее обсуждение этого боя, сдобренное огромными порциями восхищения тем, как ловко гонял я отличника взад вперед, стимулируя его бег быстрыми тумачами. Но что-то, может быть, уверенность были поколеблены во мне.

Но настоящую тревогу я ощутил, когда на следующий день на большой перемене он подошел ко мне и сказал:

— Давай, Куренков, постукаемся, «до пощады»:

— И все-таки я его щадил. Не знаю почему. Может, потому, что это его упрямство вызывало у меня уважение, а может, и потому (я боялся себе в этом признаться), что сам бы я вот так не смог спокойно идти на заведомую взбучку. Но драка есть драка. Несколько моих ударов попали в цель и из носа и из губ пошла кровь. Я старался не смотреть ему в лицо, но он кидался и кидался на меня – и руки мои, автоматически отбивая его бессмысленные атаки, сделали свое дело. Один удар оказался наиболее удачным. Алешка оказался на земле.

Я отступил от него на шаг и спокойно, так чтоб его не обидеть и себя не уронить, сказал:

— Хватит с тебя. Будешь знать, с кем стукаться. Он встал, пошатываясь, и произнес окровавленными губами:

— Проси пощады.

Эти его слова, как удар грома, снова потрясли всех.

Так продолжалось каждую большую перемену. Я бил его, страстно мечтая, чтоб кончилась эта бессмыслица. Вся школа вместе со мной жаждала, чтоб этот очкарик произнес, наконец, это проклятое слово «сдаюсь». Его даже пытались не раз

уговорить авторитетные «пацаны», но он, вежливо выслушав их, подходил ко мне и произносил привычное:

— Давай, Куренков, постукаемся, «до пощады».

И я, страдая от бессилия, от невозможности что-то изменить, ставил ему новые «фонари», дожидаясь, как сладкого мига, звонка – законного окончания боя. Не знаю, что думали о нас родители – мои и Лешкины. Мы оба потеряли аппетит и покой, кричали и стонали во сне, плакали и молотили подушку кулаками. И я все-таки не выдержал. Увидев, как он снова твердо идет ко мне, весь лиловый от синяков, с вытянутыми вперед тоненькими руками, я поднял руки вверх, закричал:

— Все, я сдаюсь! Прости меня, Алеша! И странно, ни я, ни самые отпетые «пацаны» не расценили мои слова как что-то позорное. Наоборот, все почувствовали долгожданное облегчение, ну а я, я просто ощутил невыразимое душевное блаженство.

— Давно бы так, – просто ответил Алеша, протянув мне руку. – Я тебя прощаю, Куренков. Прощаю. Я тебя победил, Куренков, но ты дрался лучше. И я обещаю, что буду драться не хуже.

Вот такой был в детстве Алеша Петров. Вот почему я вмешался в его стычку с Коршуновым. Я ведь, как никто другой знал, что мой друг сдержит слово. Стоит ли разъяснять, что бы из этого вышло?

Драка офицеров милиции? Б первый же день нашего прибытия к месту службы? И в кошмарном сне такое не приснится. Но и Коршунов, мне кажется, почувствовал, что сила нашла на силу. И если не дрогнул, то понял, что надо с нею считаться. Вот так мы провели первый день с Коршуновым. Вот так практически мы провели все шесть лет с Коршуновым.

3

Допрос продавщицы Нюрки поначалу ничего не дал. Когда ее с трудом разбудили – она запричитала горько и обиженно:

— Ироды проклятые! Чего будите человека! Весь день на ногах! Сама – грузчик, сама – возчик, сама – лошадь. Не дам водки, ночь на дворе...

Следователь по особо важным делам городской прокуратуры Кирилл Лукьянов грубовато встряхнул ее за плечо.

— Не надо нам водки! Ты нам ответь, куда от тебя ушел Коршунов?

— Не знаю никакого Коршунова, в глаза не видела, пустите меня, я спать хочу, – и Нюрка пыталась завалиться на диван.

— Как так не знаешь? – тихонько встряхивал ее за плечо, и не давая лечь, громко спрашивал Лукьянов. – А кто от тебя полчаса назад ушел?

Лукьянов отпустил ее плечо, и Нюрка тут же повалилась на диван и облегченно засопела, зачмокала полными губами, уютно подтянув под себя ноги.

— Бесполезно с ней сейчас разговаривать.

— А душегуб-то двенадцатичасовым отбудет, – угрюмо напомнил сторож, обиженный, что никто не прибегнул до сих пор к его помощи.

— Не отбудет, дед, он двенадцатичасовым, и тринадцатичасовым тоже, – веско сказал Старков. – Это мы тебе обещаем.

— Ну да, – усомнился сторож. – Так уж и не отбудет. Он токо-токо с этого крыльца отбыл, на котором вы сейчас стоите – и очень даже просто отбыл... – и дед опасливо – начальства сколько! – погладил мягко свою, как луна, поблескивающую лысину.

— Куренков, соседи опрошены? – спросил Лукьянов.

— Заканчиваем, – неохотно ответил я, ибо не верил в положительные результаты опроса. – В селах ложатся рано. И все окна ближайших Нюркиных соседей уже давно были темны.

Утром продолжили допрос продавщицы, доставленной в прокуратуру. Невыспавшаяся, слегка опухшая, с мешками под глазами, Нюрка не отвечала, а огрызалась:

— Никакого Коршунова не знаю.

— Но мы точно установили, что он был у вас вчера вечером, примерно с двадцати тридцати до двадцати двух двадцати.

— Понятия не имею.

— Но его видели в трусах и рубашке в вашем доме.

— А чего ж тогда самого не спросили? Лукьянов слегка пристукнул линейкой по столу:

— Вынужден вам, гражданка, еще раз напомнить, что за дачу ложных показаний и за отказ дать показания вы можете понести серьезное наказание.

Нюрка заплакала.

— Да не знаю я никакого Коршунова! Пришел вчера какой-то мужчина, передал привет от мужа – вы же знаете, срок у него за растрату – и потребовал водки.

— Ну, а дальше?

— Чего дальше? Дальше было то, чего милицию не интересует. Или караулы у меня под койкой держать будете? Ну спать легли... Чего еще надо?!

— Я имею в виду, что говорил, о чем расспрашивал этот мужчина, как назвался? – будто не замечая вызывающих ноток в голосе Нюрки, невозмутимо спрашивал Лукьянов.

— Назвался Алешей, а о чем говорил – разве упомнишь? А расспрашивал про жизнь мою непутевую. Вот и все. Ничего добавить не могу... И отпустите вы меня, бога ради, мне магазин открывать надо...

— С магазином не беспокойтесь. Откроете, как положено. В крайнем случае попросим, чтоб записочку к дверям прикололи «Санитарный час», это у вас широко практикуется, – холодно прервал продавщицу следователь. – А вот вспомнить надо. Очень надо. Вот вы и вспоминайте. Все, что можете, каждую мелочь.

Наконец-то он увидел, что Нюрка что-то пытается вспомнить. На ее маленький лобик шустро набежали две-три морщинки, она широко распахнула глаза, приоткрыла рот – и сразу стало видно, что она еще молода и даже привлекательна.

— Спрашивал, когда я пойду в отпуск и поеду ли на море?

— Ну и что вы ответили?

— Ответила, что уже была.

— Ну еще что?

— Ну еще что, ну еще что... А еще спрашивал, у кого из моих друзей есть машина.

— И что вы ответили?

— Ответила, что у самой была. Да мужа – того, с конфискацией...

— Ну, а Коршунов что? Перестал спрашивать про машину?

— Говорил он, чтоб я нашла машину, чтоб, значит, с ним на два денька на море махнуть. Чтоб только без шума найти, чтоб его жена, чтоб не унюхала, чтоб на работу не сообщили...

Продавщица победно вздохнула, с трудом выбравшись из зарослей «чтоб» – и с чувством исполненного долга спросила:

— Теперь я могу уйти? Еще есть время. Успеть, чтоб...

— Минутку-другую и пойдете. Скажите только, вы говорили, у кого из ваших знакомых есть машина?

— Говорила. У Сергея Букши, проводника поездов, и у Сергея Прокупца, моего сменщика.

— Вы помните их адреса?

— Прокупец, сменщик мой, живет по Одесской 17, квартира 1, а Букша – на Садовой, номер не помню, но прямо напротив кафе «Турист». Домик с черепичной крышей и большущей антенной. Знаете?

— Знаю, Спасибо. Можете идти, открывать свой магазин. Впрочем, последний вопрос. Он не говорил вам, где работает?

— Как же, говорил. Говорил, что работает в засекреченном министерстве космической мелиорации.

4

А в это время мы выслушивали горькие, но справедливые слова полковника Козлова, старейшего чекиста с легендарной биографией, на которого мы, молодежь, чуть ли не молились. Разведчик в годы войны, он после демобилизации возглавил уголовный розыск и повел беспощадную, не на жизнь, а на смерть войну с бандитизмом и воровством, которые после войны расцвели в нашем городе, стоящем на скрещении многих дорог, ведущих к благодатному Черному морю. Его не раз приговаривали к смерти разные воровские сходы и съезды, в него стреляли из нагана и обреза, его нагло пытались купить, не удалось его и зарезать, именно так хотели с ним расправиться на воровской малине люди Женьки Каина, отпетого бандита, держащего в страхе обывателей Приморска и в напряжении – работников милиции. Но Иван Иванович Козлов, наспех залатав раны, вставал в строй, и бандиты и воры несли заслуженную кару, и воздух в городе становился чаще.

Женьку Каина он взял лично. Отстреливаясь, тот прорвался в лес, который начинался в трех километрах от города. Погоня отстала. За ним шел только Козлов. Шел, пытаясь точно вспомнить, сколько выстрелов из пистолета сделал бандит. Выходило, что семь. Но Козлов допускал, что мог ошибиться, хотя на слух определял любую систему оружия, из которого стреляли. Но в горячке погони, когда вокруг гремели выстрелы, он мог и сбиться ее счета. Если семь – значит пистолет Каина пуст. Но кто мог исключить, что у него не было второй обоймы? Или , Даже второго пистолета? Но, как ни считай, брать бандита надо было. Он его настиг в буреломе, когда Каин запутался в сетях поваленных деревьев. Оглянувшись, как затравленный зверь, Женька Каин выхватил из-за пазухи пистолет – и последняя пуля, чиркнув по шее Козлова, сыто чмокнула дерево за его спиной.

Каин сидел на поваленной сосне и, задыхаясь» прикуривал от зажигалки папиросу. Подняв на подходящего Козлова свои дикие, по степному узкие глаза, с тоской спросил:

— Ну что ты за человек, Козлов? Колдун что ли?.. Ведь последнюю пулю берег для себя, а вот тебя увидел – не выдержал. Знаю, что не заслужил, но сделай милость, пристрели меня тут. Не дай измываться надо мной всяким судейским карасям. Тебе-то какая разница? Добился своего. Ликвидировал Женьку Каина и его банду. Все равно сверлить дырки на погонах – здесь лк меня шлепнешь, там ли, «приведут в исполнение». Только жилы тянуть будут...

— Нет, гражданин Чужда, он же Роземблум, он же – Свиридов, он же – Кочеровский, он же – Женька Каин. Не выйдет. Когда ты убивал инкассаторов в Николаеве, когда душил сторожа в Приморске, когда застрелил лейтенантов Гуськова и Демина, ты уже знал, что тебя ждет. Ты ведь об этом постоянно думал, кровавая зверюга? Каждый час, каждый день, так что получи заслуженное. А ну встань, гад.

Каин напряженно, с натугой поднялся, кривая ухмылка поползла по его побитому оспой лицу.

— Значит, не стрельнешь? А это мы сейчас проверим.

И он звериным прыжком в мгновение достал Козлова, одна его рука скользнула по горлу, но вторую Козлов с хрустом рванул вбок – и по затихшему лесу зайцем метнулся отчаянный вопль Женьки Каина.

— Вот так-то будет лучше, сопляк. Таких штук мы в разведке насмотрелись, пока ты по схрамам от мобилизации прятался.

Так они и вошли в город: впереди Женька-Каин с опущенной головой, а в двух шагах позади Козлов – руки в брюки. Когда подбежали оперативники, Козлов молча опустил в мягкую, как пудра пыль, и потерял сознание. Гимнастерка задралась, и друзья, охолодев, увидели нижнюю рубашку, красную от крови.

С открывшейся раной шел по следам бандита начальник УГРО, с открывшейся раной брал его, с открывшейся раной вел по лесу пятнадцать километров. Горько было выслушивать упреки от такого человека. Особенно нам, работникам уголовного розыска, который тот по-стариковски преданно любил, л не раз выводил из-под гнева вышестоящих инстанций силой своего авторитета. Он нам верил, любил нас, но и требовал от нас чистой работы.

«ЧП» с Коршуновым крепко поколебало и его положение. Никакой авторитет – и это справедливо – не мог уберечь от наказания. Пять лет в органах таился враг, хищный и кровожадный, жил среди нас, а мы его не распознали. Поэтому не смог Козлов отстоять начальника уголовного розыска, своего старого друга майора Орехова Максимилиана Христофоровича и его заместителя капитана Чумака. Их сняли с должностей и уволили из органов – за потерю бдительности и серьезные просчеты в работе с кадрами.

И это было справедливо. Коршунов бросил тень на само понятие «милиция», он скомпрометировал ее. А этого ни ему самому, ни его начальству простить нельзя. Разная у них вина, но суть ее одна – и преступление Коршунова, и халатность Орехова привели к тому, что люди могли сказать:

— Да, и у них в органах есть нечистые на руку люди, есть бандиты.

Они так могут и имеют право сказать. И они скажут. Скажут именно «у них», хотя преступление совершил один Коршунов.

Но в том-то и состоит социальная суть нашей профессии, поднятой на такую нравственную высоту, где один, только один Коршунов может нанести нам такой моральный урон, от которого долгое время нельзя будет оправиться.

— Это дело на контроле в Москве и в обкоме партии, — болезненно морщась, говорил Козлов. — А им пока не о чем докладывать. Четвертые сутки после преступления Коршун на свободе. Он может вырваться из города — и исчезнуть. Тогда — всесоюзный розыск, тогда — месяцы, а то и годы на его поимку, месяцы и годы, в каждый час которых он может пустить в ход оружие. Надеюсь, вы это понимаете? Дело ведь не только в чести мундира. Но честь мундира — разве это плохо звучит? Коршунов — это пятно. И наш долг — безжалостно вытравить это пятно.

— Никуда он не денется. Все возможные лазейки, откуда он может ускользнуть, перекрыты. Дороги, аэропорт, автобусная станция, вокзал... — сказал Лапиньш.

— Ну, а если он возьмет и махнет прямо через виноградники к морю?

— Это самоубийство. Один человек заметнее. Один человек бросается в глаза. Он немедленно даст нам след. Но и этот вариант предусмотрен. Оповещены сельские дружинники, участковые, активисты. Нет, отрываться от массы народа он не будет он затаился и ищет выхода наверняка...

Открылась дверь и в ее проеме показалось симпатичное личико Тани, секретаря приемной.

— Иван Иванович, вас срочно просит Лукьянов Что ему сказать?

— Я сам ему скажу, иди, — ворчливо буркнув Козлов и взял трубку. Минуту-другую он внимательно слушал, потом прикрыл трубку рукой и приказал:

— Куренков и Петров, внизу вас ждет машина Живо!

Через пять минут мы были на Одесской, 17, в квартире № 1. Ее хозяин, продавец Сергей Прокупец, собирался в кино. Увидев наши удостоверения он буквально затрясся.

Я его успокоил:

— То, от чего вы трясетесь, — потом. Теперь быстро отвечайте: сегодня ночью или утром к вам никто не обращался с просьбой отвезти на море или еще куда?

Прокупец, тараща испуганные глаза, затараторил:

— Честное слово, никто не обращался. Клянусь здоровьем матери, она у меня в больнице. Да и машина не на ходу...

На Садовой, в домике с черепичной крышей, нам долго не открывали. Наконец, на крыльцо вышла маленькая испуганная женщина и плачущим голосом спросила:

— Ну, чего вам, чего?

— Нам надо поговорить с гражданином Буклей. Как это сделать?

— Да никак не сделать. Он на рассвете укатил на рыбалку.

Мы переглянулись.

— В рабочий день на рыбалку?

— А у него отгулы от отпуска.

— А куда он поехал?

– А черт его знает! – с неожиданной злостью сказала женщина, – Рыбы он не привозит. Только пустые бутылки. Вон их сколько, полгаража. – Она махнула рукой куда-то в сторону. И вдруг подозрительно спросила:

— А вы кто такие?

— Друзья его, обещал взять нас к морю, а сам укатил, – сказал я и добавил: – А с кем он уехал вы не знаете? Может, Кольку с автобазы взял или Витьку-повара.

— Черт его знает, – потеряла к нам интерес женщина. – С кем он и куда едет – разве уследишь? Ничего, доездится он у меня, – зло пообещала она и повернулась к двери.

— А он вчера к морю не собирался? – крикнул я ей вдогонку.

— Никуда он вчера не собирался. Хотел сегодня гараж штукатурить. Вон и раствор привез, – неопределенно махнула она рукой и захлопнула дверь.

5

Он был в уголовном розыске единственным человеком, кого все без исключения звали по фамилии – Коршунов. Нас, молодых инспекторов, – по именам, более старших – по званию или по имени-отчеству, а его одного – Коршунов. И мы поначалу даже не заметили этой особенности, так естественно все было, так это подходило к нашим с ним отношениям, с ним никто из коллег близко не сходил, несмотря на его общительность. Он никому никогда не давал прямого повода заподозрить себя в чем-то плохом, особенно в преступных замыслах, но сама его манера вести разговоры на грани провокации, с какими-то болезненными интонациями, казалось бы, обнажающими его суть – настораживала, даже отталкивала.

Но Коршунов чувствовал такое к себе отношение и это его злило, заставляло приоткрываться, вытаскивать из потаенных лабазов своей философии пропахшие нафталином дары нравственного приданого. Мало кто знал, кроме кадровиков, что в безупречной блистательной биографии Коршуна было едва заметное, но как луч рентгена высвечивающее его душу пятнышко. В юные годы, когда Коршун успел отличиться в комсомольском оперативном отряде и стал нештатным сотрудником в уголовном розыске родного города, он зверски, садистски избил пьяного, притом без какого-либо серьезного повода.

По этому факту было возбуждено уголовное дело. Но следствие никак не могло довести его до суда. Коршун твердо стоял на версии, что он защищался от пьяного хулигана. Две свидетельницы – студентки педтехникума – заявили, что видели драку. В то же время экспертиза обнаружила тяжкие телесные повреждения у хулигана. Коршун же утверждал, что просто не обращался к медикам, хотя получил несколько сильнейших ударов ногой в живот. В итоге после долгих проволочек дело было закрыто. Но в различных бумагах, сопровождающих жизнь работника милиции, этот факт был зафиксирован и помешал Коршуну въехать «на белом коне» в мир, который зовется – уголовным розыском.

Но он умел страстно убеждать, красиво писать, логично опровергать. Он писал о своей мечте, он убеждал, что эта работа – его призвание. Он не погнушался все начать с начала. Как потом он скажет нам в припадке откровенности – пришлось начинать с младенческих соплей.

Он успешно закончил вечернюю школу, был активным дружинником, по рекомендации завкома оказался на работе вначале в транспортной милиции, затем заочно закончил специальные курсы, юрфак и получил направление в уголовный розыск, как человек, неоднократно отличившийся при задержании преступников и злостных хулиганов, проявив при этом личное мужество и завидное хладнокровие. Конечно, кадровики спотыкались о неизбежную запись в личном деле Коршунова, докладывали о ней вышестоящему начальству, но в автобиографии честно и умно объяснялся этот факт, характеристики были блестящими, и извечный вопрос: «Что ж, всю жизнь расплачиваться за единственную ошибку молодости?! – тоже делал свое дело. Конечно, к нему присматривались более внимательно, чем к другим. Но Коршунов ни разу не дал повода усомниться в своем нравственном перерождении и в своих способностях оперативного работника. И только нам с Алешей Петровым, которых он, не скрывая, считал за младенцев, не разбирающихся ни в людях, ни в жизни, ни в розыске, он изредка показывал острые клыки, тут же убирая их, если замечал, что мы это понимаем. Но ни в чем конкретно мы его не могли обвинить. Только в том, что он тонко издевался над нами, не давая повода предъявить ему конкретный счет. Но иногда он переигрывал. И наши отношения натягивались, как струна, готовая вот-вот лопнуть. И впервые это проявилось, когда мы заканчивали дело зубного техника Михеева.

6

И все-таки Алеша Петров нашел тот дом, где Коршунов отсиживался в злополучную ночь неудавшегося задержания. Его хозяин, вертлявый мужчина, удивительно похожий на знаменитого французского комика Луи де Фюнесса даже повадками, многозначительно подмигивая Алеше, сообщил:

— Да был вчера ночью у меня ваш товарищ. Всю ночь просидел в засаде у окна, но преступник не пришел к колодцу.

Он понимающе подмигнул опешившему Алеше, мгновенно сделал две-три гримасы и замер, явно ожидая каких-нибудь леденящих подробностей дела.

— Какая засада? Какой колодец? – ошарашено спросил Петров.

— Как же? Понимаем. Конспирация. А засада обыкновенная, и вон колодец, прямо под окном, куда должен был прийти главарь банды по кличке кровосос, а по-правдашнему Алексей Петров.

Алеша мучительно закашлялся. Коршунов был верен себе.

— А когда он ушел?

Хозяин сделал очередную гримасу и жутко подмигнул.

— В семь утра. Когда вы главаря повязали: он тан и сказал.

— Как так?

— Ну так и сказал. Говорит: «Снимают оцепление – значит Кровососа повязали. Надо идти доложить генералу, что колодец засвечен». И еще сказал, что обо мне доложит и напишет ходатайство, чтоб меня наградили медалью «За образцовое несение службы по охране общественного порядка». Как вы думаете, наградят?

— Не знаю, – рассеянно ответил Алеша. – У него был какой-нибудь чемодан или сверток?

— Нет, точно не было.

— Куда он пошел, не заметили? – невольно злясь на этого недалекого человека, спросил Петров.

— Туда, – махнул рукой по направлению к центру города хозяин. – А это правда, что Кровосос зарезал четырнадцать дачников? – Снова жуткое подмигивание.

— Пятнадцать, – отрубил Петров, и тут же, устыдившись своей несдержанности, поправился: – Никакого Кровососа не было. И никого не мог зарезать несуществующий бандит. А вот в доме у вас был настоящий преступник, который вам наплел невесть что, а вы, как дитя, поверили.

Хозяин так и остался с прищуренным глазом и открытым ртом. Сначала он побелел, потом зачем-то ощупал себя руками и наконец выдал:

— Как же так?

— А вот так, – жестко отрезал Петров и для профилактики отчеканил: – А если вы среди соседей, не дай бог, начнете рассказывать всякие небылицы, – понесете административную ответственность. Ясно?

Лицо хозяина просветлело. Он радостно всхлипнул и растроганно шепнул:

— Могила. Можете на меня положиться. Я знаю, что такое конспирация. – И тут же подмигнул, На очередном оперативном совещании у Козлова Лапиньш доложил о всех наших розыскных мероприятиях.

— Не густо, – вздохнул начальник управления и задумался.

Он знал, что в подобных ситуациях главное – ждать. Ждать, сцепив зубы, в постоянной готовности, бессонно ждать, где объявится след. Ждать, наглухо перекрыв все пути, которыми может уйти преступник. Когда-нибудь он высунется из норы – и тогда сработает капкан. Вся огромная машина розыска с заведенным мотором ждала этого мига.

Было две версии. Обе они отрабатывались и не давали пока практических результатов. По первой – давним тюремным связям Коршуна – шла группа неторопливого, но цепкого Гнатюка.

По второй – московской – по родным местам Коршуна работали Леонид Затейкин и Василий Старков. Их сообщения тоже были малоутешительны, Ни одна живая душа не видела Коршунова в родных местах добрых шесть лет.

На совещании забрезжила третья версия, основанная на показаниях Нюрки и жены Букши. Почти каждый задумался: а что, если случилось невероятное, – и Коршунов выскользнул из города. Ведь он находчив, дерзок. Вдруг ушел?

Первым версию вслух высказал сам Козлов. Эта горькая мысль больно ранила, в первую очередь, нас, сыщиков. И Лапиньш не хотел с ней смириться.

— Не мог он выскользнуть. Наши люди круглосуточно следят за всеми точками, откуда можно выехать из города. ГАИ начеку. Проверяется каждая подозрительная машина. В общественном транспорте вместе с контролерами на загородных рейсах работают дружинники, знавшие Коршунова в лицо. Нет, ему никак не вырваться!

— Разрешите, товарищ полковник! – встал Алеша Петров.

— Говори, лейтенант.

— Я тоже думаю, что Коршунов не ушел из города.

— Думать хорошо. Но надо думы подкреплять фактами, – с еле уловимой ноткой раздражения прервал полковник. – У вас есть факты?

– Да, есть, – спокойно сказал Петров. – При допросе Успенского – хозяина дома, где прятался ночью Коршунов, выяснилось, что у Коршунова не было ни чемодана, ни

сумки, ни свертка. А ведь деньги, ценные вещи и золото в карманах брюк не унесешь.

— Ну и что, – вмешался Лапиныи, стараясь быть объективным. – Вышел Коршунов из дома Успенского, выкопал золотишко, сложил в портфель – и был таков.

— Вряд ли он днем это будет делать – не таков Коршун, – высказал свое мнение и Гнатюк. – Рисковать он не станет.

— А зачем ему вообще забирать золото? – поднялся и заходил по кабинету Козлов. – Он мог его не забирать. Выскользнул на побережье, затаился – иди ищи его там – голого среди десятков тысяч отдыхающих. – Он хмыкнул. – Пройдет время, шум уляжется, напряжение спадет – и он объявится, все тщательно рассчитав и даже изменив внешность! Над этой версией надо начинать немедленную работу. Лапиныш, продумай и доложи подробный план розыска по этой версии, а лейтенанты Петров и Куренков – на море. Ходите, смотрите, чтоб каждый уголок излазили. Показывайте фотографию Коршунова в кемпингах, домах отдыха, в столовых, ресторанах, в каждой палатке. – Он остановился против Лапиныша:

— Установили номер машины Букши? Что ГАИ сообщило по этому поводу?

— Номер машины мы сами установили 17—91 МСТ, «Жигули» кофейного цвета. А вот местонахождение машины неизвестно. Пока неизвестно. Петрову и Куренкову необходимо держать связь с работниками ГАИ на побережье. Там есть наши люди.

— Как бы он этого самого Букшу не того... – вдруг засомневался Гнатюк.

— Исключается, – уверенно возразил Лапиныш, – В этой ситуации, а мы ее, думаю, правильно обрисовали, ему лишний шум ни к чему. И лишний след. Ему тишина нужна. Только тишина. В ней он видит свое спасение.

— В общем, так, – подвел итог Козлов. – Отрабатываем все три версии – Куренков и Петров немедленно отбывают на побережье. А ты, он кивнул начальнику ГАИ, достань мне машину Букши хоть из-под земли. И его самого. И давайте, товарищи, результаты. Результаты давайте...

Через пять минут мы были дома. Квартирная хозяйка, успевшая к нам притерпеться и даже по-своему полюбить, спросила, вplывая боком в нашу комнатушку:

— А Коршунов все в командировке?

— Да-а, – рассеянно ответил я.

— Видать, надолго. Тут он ко мне паренька с запиской прислал. Деньги, что он мне давал хранить, отдала.

— Что? – в голос вскричали мы. – Где записка? Где?

— Как где? – испуганно опустила глаза хозяйка. – Я ее, по-моему, в мусорное ведро выбросила. А что случилось?

— Не отвечая, мы бросились в кухню. Записка была его, Коршунова. Его почерк, – стремительный и мелкий, ни с чьим другим не спутаешь. На скомканном телеграфном бланке было написано: «Ульяна Кирилловна! Выдайте этому товарищу триста рублей, которые я дал вам на хранение. Присмотрел хорошее пальто.

Ваш Коршунов.

Привет Куренкову и Петрову!»

С запиской мы тут же помчались в управление. Лапиныш был еще у Козлова. Он вышел в приемную, взял записку, вошел в кабинет полковника, буркнув нам:

— Подождите здесь.

Через несколько минут он вышел. Впервые за пять дней на его лице засветилась улыбка.

— Здесь он, голубчик. Вьется Коршун над своим сокровищем. Пусть вьется, пока мы его не цапнем за крыло. Как же вы проморгали эти деньги? Эх, вы, друзья-соратники.

Возразить на упрек было нечего. Когда в отсутствие хозяйки осматривали комнату и вещи Коршунова – никому в голову не могло прийти, что он что-то может хранить у Ульяны Кирилловны. Но Коршунов был Коршуновым. И снова он преподал нам горький урок.

— Ну чего приуныли, сыщики? – похлопал Петрова по плечу Лапинын. – Ваша командировка не отменяется. Козлов считает, что вы должны ехать. Надо отрабатывать каждый след. Значит, доброго пути. И главное – результаты, результаты, – повторил он слова полковника.

7

На зубного техника Михеева первым вышел Коршунов. И сообщил он нам об этом в чисто коршуновской манере. Высунулся из своей каморки, поковыривая спичкой в зубах после нашего скудного ужина – сосиски с луком и чай, – и лениво растягивая слова, слегка картавя, сказал:

— Завтра кончаю комедию по делу об убийстве часового мастера Вайсмана. В десять утра наручники будут защелкнуты. Прошу подготовить прессу, телевидение. Подумайте о коктейле для гостей. И, кстати, надеюсь видеть вас на этом событии во фраках... Как-никак присутствовать будете на приеме у короля сыщиков...

— Что, вышел на убийц? – не обратив на этот раз внимания на фиглярство Коршунова, спросил Алеша Петров. – Неужели вышел на убийц?

— Почему на убийц? – с великолепным спокойствием, нарочито медленно почесал поясницу Коршунов. На убийцу я вышел: на у-бий-цу! Вот так-то, аспиранты.

Но их же двое, Коршунов. Двое. Это доказано свидетельскими показаниями Михеева и Галустяна. Это официальная версия, по которой работаем мы все.

— Если бы я работал по вашей версии, – я бы был как все. А так – я Коршунов. Уяснили? Лично Коршунов! Я лично вышел на убийцу и лично его повяжу.

— Но надо доложить Орехову, Козлову. Надо всесторонне подготовить задержание. Обсудить...

— Вот вы и обсуждайте! У вас это отлично получается. А я повяжу! Так ведь всегда случается. Вы же – академики! Вы по всем правилам современной науки составляете розыскные мероприятия – так положено. А я – так полезно – беру преступников. Оч-чень правильное распределение труда.

– Ты снова, Коршунов, за свое? Ну что ты за человек? Все управление работает на розыск убийц...

– Убийцы, у-бий-цы, мальчики, – издевательски растягивая рот, лениво поправил Коршунов. – Управление пусть работает. Зарплату надо отрабатывать. А брать убийцу буду я. Лично! Хватит лавры раздаривать начальству. Оно это не ценит. А то бы я не ходил в одном звании с такими лопухами, как вы? Впрочем, донесите Козлову, что я вышел на убийцу. Может быть, хоть этим отличитесь?

— Уйди, Коршунов, – багровея начал подниматься с койки Алеша. – Уйди от греха...

— Уже ушел, – безразлично повернулся к нам спиной Коршунов. – Считайте, что я давно ушел, а то вы вдвоем еще наброситесь на меня. Преступников вам повязать не удастся, давайте набрасывайтесь на меня. Впрочем, вы же понимаете, что я шучу. Шучу, как всегда! – снова подчеркнул он.

Последние слова доносились уже из-за занавески. В каморке завопила койка – и все затихло. Так было всегда. Зайдет, плюнет в душу и закончит – шучу, мол. И хоть и сомневаешься ты, хоть и не веришь, но пойди – ухватись, хоть на одно слово. Он ведь шутит, паразит картавый. И крыть нечем. Особенно было трудно первый год. За нашими плечами – знания. За его спиной – опыт оперативной работы. Мы приемы самбо применяли на тренировках, он – на деле, задерживая опасных преступников, у него три благодарности, именно за это, у нас по одной – за победу в конкурсе стенных газет управления. Такой был расклад – и ничего тут не попишешь. Мы злились, но терпели его снисходительные интонации.

Но потом и в нашем послужном списке появилось кое-что весомое. И нас не раз отмечали в приказах по управлению. Но тон Коршунова по отношению к нам не менялся. Он издевался над нами тонко почти до предела натягивая струну нашего терпения, но никогда не давая ей лопнуть, выскальзывал, как угорь, из рук, и скользкие его слова никак было не слепить, чтобы получилось явное оскорбление, за которое мы бы привлекли его к ответу. Его словечки тонули в хаханьках, смешках, растворялись якобы в дружеских подмигиваниях, теряли обидный смысл от ложного пафоса, а если что и прорывалось, тут же летел спасательный круг – «Я же шучу».

Так было и сегодня. Вроде бы плюнул в лицо, вроде бы и пошутил. Не затевать же скандала на «пустом» месте? Не бежать же жаловаться начальству на то, что человек с нами шутит? И объяснить ничего не сумеешь? Испокон веков в уголовном розыске в почете были розыгрыши, «подначки» и, главное, юмор.

Если, к примеру, сегодня Коршунов сказал правду это серьезно. Это надо доложить Орехову и Козлову – убийство часового мастера всколыхнуло Приморск, вызвало различные слухи. А вдруг он на разыгрывает?

Дело было непростое. На пятнадцатом километре Лесного шоссе, в зоне отдыха, в месте, любимом грибниками, 11 июля в 16 часов в молодой поросли дубняка был обнаружен труп мужчины средних лет. Вокруг еще тлеющего костра валялись недожаренные кусочки шашлыка, буханка хлеба, помидоры, опрокинутые бутылки с пивом, одна пустая и одна полная бутылка водки. На трупе были только трусы и кеды, остальная одежда – брюки и рубашка – дотлевали в костре.

Прибывшая через час дежурная оперативная группа управления обнаружила у костра толпу встревоженных людей. Как водится, в ней объявился вожак – пузатый дядька в панамке, который ретиво отгонял от костра любопытных, без устали призывая каждого ни к чему не дотрагиваться. Он да же вытащил палкой из костра остатки джинсов. А еще через полчаса в лесу, в зарослях кизила, молодая парочка нашла полного мужчину в шароварах и тенниске, с окровавленным лицом, без сознания. Мужчина был срочно доставлен в больницу в сопровождении участкового близлежащего села Лазурное, а оперативная группа продолжала осмотр трупа, места происшествия, опрос отдыхающих, фотографировала, составляла протоколы. Шла

обычная работа для нас, сотрудников милиции, и загадочная для грибников, томящихся поодаль в ожидании дальнейших событий.

Дежурный судмедэксперт доложил представителям прокуратуры и управления предварительные выводы, тут же зафиксированные в протоколе: «Неизвестному нанесен один смертельный удар тупым предметом в затылочную часть головы. Смерть наступила примерно полтора-два часа назад.

Как всегда в таких случаях врач добавил:

— Точные данные вы получите завтра, после вскрытия.

Никаких документов у убитого не оказалось. Никто из присутствующих его не знал. Супруги Герасименко, первыми обнаружившие труп, ничего нового не добавили; подошли, увидели костер, окровавленного человека у костра, начали кричать.

— Труп не трогали? – спросил представитель прокуратуры.

— А зачем трогать? Чем мы мертвому могли помочь? – ответил муж.

— А откуда вы узнали, что он мертвый? Вы что, врач?

— Да нет. – Я – педагог. А то, что труп – мертвый, – он запнулся.— Фу, что я говорю?.. Ну я сразу увидел, что человек мертв! Увидел – и все. И не объяснишь. Как-то так лежал, как не лежат живые.

— Никого вокруг не заметили?

— Никого.

— А голосов тоже никаких не слышали?

— Да нет. Никого тут не было. Вырубка дальше, грибники идут стороной, метров триста.

— А вы чего сюда забрели?

— Мы уже возвращались. Вон видите, – он показал на полное ведро грибов. – Мы возвращались. И пошли к шоссе напрямик. Да и тропка тут, – он кивнул на едва заметную тропку.

— А куда ведет эта тропка?

— Если я не ошибаюсь, из Лазурного к шоссе. Жена педагога тревожно и молча переводила взгляд с мужа на работника прокуратуры. Видимо, ей что-то не понравилось в ответах мужа. Она решительно вмешалась.

– Не знаем мы никаких тропок! – Шли себе – и ничего не знаем. Мало ли кого в лесу убивают, мы при чем? Мы шли себе к шоссе.

— Вы, конечно, ни при чем, – критически оглядев с ног до головы маленькую, как воробышек, на хохлившуюся женщину, успокоил работник прокуратуры. – Вы шли себе к шоссе и идите. Только сообщите свои адреса старшему лейтенанту. Может придется кое-что уточнить.

Вскоре принесли орудие убийства – толстую голенастую палку, твердую и гладкую, как валун. Нашли ее в тридцати метрах от костра, в густых зарослях крапивы. На палке отчетливо была видна кровь. Подобрали с десятков окурков сигарет «Космос», обследовали рюкзак – он был почти пуст – две пачки «Космоса» и батон в целлофане.

Это было все. Больше никакой информации. Предстояло, в первую очередь, опознать убитого. В больнице их обнадежили. Рана у второго потерпевшего не опасна. Череп цел. Закончится перевязка – можно и допросить.

Первым допрашивал потерпевшего Орехов, Допрашивал в присутствии врача. На утренней оперативке он доложил:

— Пострадавший – Иван Константинович Михеев, 49 лет, зубной техник, проживает по улице Пушкина, 11, дробь три, квартира шестая. Холост, Беспартийный. Работает в санатории «Лазурный берег».

Убитый – Ефим Аронович Вайсман, 52 года, часовой мастер, проживает в собственном доме по улице Севастопольской, 4. Женат. Дочь замужем, Живет с мужем в Одессе. Жена – домохозяйка. Работает на рынке в часовой мастерской.

Михеев и Вайсман выехали автобусом до тридцатого километра на отдых. Взяли две бутылки водки, пять бутылок пива, мясо для шашлыков. Развели костер, насадили мясо на шампура и стали ждать, когда костер выгорит до угольев. Выпили по сто граммов водки. Затем, когда костер догорел, разложили над ним шампуры и выпили еще по сто граммов. По словам Михеева где-то в пятнадцать часов к ним из кустов вышли двое пьяных с палками и потребовали водки. Вайсман, изрядно опьяневший начал с ними ругаться и пригрозил одному из них ножом. Тогда второй внезапно сзади ударил его огромной палкой по голове. Вайсман упал. Михеев бросился к нему и почувствовал страшный удар. Но у него хватило сил подняться. Он побежал в заросли и бежал, пока не потерял сознание. Очнулся уже в машине. Вот вкратце суть дела. Какие вопросы будут ко мне?

– Приметы этих двоих он вам назвал? – спросил Козлов.

— Приметы вроде бы и назвал, но все какие-то расплывчатые, неконкретные. Первый, тот что ударил Вайсмана, был лет тридцати, спортивно сложен, в кепочке, цвет волос Михеев не определил. Рост примерно 175, глаза голубые, синяя полурукавка – майка, с надписью «Адидас» на иностранном языке спортивные брюки, тоже синие, красно-белые кроссовки. Вот и все. Второй – чуть пониже и поплотнее, тоже в спортивных шароварах, тоже в кепочке, обуви и цвета глаз Михеев не рассмотрел. Михеев утверждает, что более высокий после того, как они ударили Вайсмана, крикнул коренастому:

— Добей второго, Миха, и рвем когти.

— У них что-то пропало?

— Михеев утверждает, что у них был японский магнитофон. «Панассоник», на Вайсмане – золотые швейцарские часы «Докса», у часовщика, к тому же, в кошельке была крупная сумма денег. Сколько, для чего эта сумма понадобилась в лесу. Михеев не знает.

— Нож, которым Вайсман угрожал неизвестным, нашли?

— Нет.

— Связи Вайсмана и Михеева изучены? – это Козлов вмешался.

— Изучаются. Работаю над этим вопросом.

— Они, действительно, дружки, Михеев и Вайсман?

— Выясняю.

— Что предпринято по показаниям Михеева?

— Немедленно прочесали лес в районе убийства и патрульными машинами до самого города. Задержали пьяного в кепочке и майке с надписью «Адидас». Приметы примерно соответствуют. Михеев его не опознал.

– Так, — побарабанил Козлов пальцами по столу. – Улова не густо, но работать можно. Возьмите себе, – это он Коршунову, – в помощь Петрова и Куренкова и действуйте. Этим двоих надо найти. Изучите, что представляют собой Вайсман и Михеев. Покажите пострадавшему наши фотоальбомы – может, опознает кого. Судя

по тому, что двое неизвестных взяли магнитофон и обшарили карманы – они могут быть в нашей «фотогалерее». Есть еще вопросы к Коршунову?

— Есть, – тихо сказал Алеша Петров. – Как вы Коршунов, думаете: почему убийцы не погнались за Михеевым? Ведь он был ранен? Оглушен? Он полтора часа пролежал без сознания? Догнать-то его было – пара пустяков, тем более ребята «со спортивным складом фигуры?»

— Не знаю, товарищ Петров, – Коршунов едва уловимо усмехнулся. – Об этом Михеев ничего определенного сказать не смог. Впрочем, вы можете это выяснить у него лично. Вы же работаете по делу.

— Правильно, это я постараюсь выяснить у Михеева лично, – задумчиво сказал Алеша Петров и добавил: – У меня больше вопросов нет.

Козлов закрыл совещание. Все высыпали в коридор.

— Дело темное, – сказал я Гнатиюку, торопливо закуривающему сигарету. – Ох и темное дело.

— Дело темное, когда его ведут темные люди, – донесся из-за спины знакомый издевательский голос.

8

Нам с Алешей поручили выяснить все о личности убитого, круге его знакомств, вкусах, привычках. Задание, как мы думали, чисто формальным, ибо была одна версия – убийство с целью грабежа. И, на все сто процентов, убийство случайное, заранее не подготовленное. Но задание надо было отработать добросовестно, каким бы простым оно нам не казалось.

В горбыткомбинате уже знали о смерти Вайсмана. Мы еще не успели дочитать личное дело часовщика, когда в кабинет начальника отдела кадров решительно вошла энергичная молодая особа и с порога приказала:

– Петр Петрович, с вас рубль на венок Вайсману.

Петр Петрович, полноватый, лысеющий мужчина примерно сорока лет, явно тяготившийся нашим посещением, с готовностью полез в карман, вытащил бумажник, отдал рубль, тщательно расписался в длинном списке и, облегченно отдуваясь, сказал:

– Вот так-то, Нелли Семеновна, жил человек – и нету. Такие-то пироги получаются. Сплошная фантазмагория. – Он со значением поглядел на нас и веско произнес: – Товарищи – оттуда. Из милиции. Дело-то нешуточное...

Тоненькие рисованные брови Нелли Семеновны вскарабкались на лобик, прикрытый черными локонами, глаза округлились.

— Может, я чем-нибудь могу помочь?

Через десяток минут мы знали о Вайсмане все. Как одевается, каким одеколоном пользуется, где обедает, у каких врачей лечится, куда ездит отдыхать. И многое другое.

Зато ни Нелли Семеновна, ни Петр Петрович ничего не могли сказать о том, с кем дружит Вайсман. Ничего не слышали они и о Михееве.

— Зубной врач? Помилуйте. У Ефима Ароновича прекрасные зубы. Зачем ему зубной врач? Он никогда не жаловался.

Ничего нового не добавили и соседи. Вайсман жил в собственном трехкомнатном доме. Жил замкнуто, дружбу ни с кем не водил, компаний не собирал даже по праздникам. С этими сведениями мы и отправились на очередную утреннюю «оперативку». Орехов, выслушав Алешу Петрова, вопросов не задавал. Закурив «Беломор», – а это для нас означало конец совещанию, – он спросил Коршунова:

— Знаю, времени мало. Но может, ухватил «кончики»? Что там наши эксперты говорят?

— Кончиков я не ухватил, товарищ майор. Да и эксперты ничего нового не сообщили. Хочу я задать, с вашего позволения, вопрос Петрову. Можно?

Орехов недовольно ткнул папиросой в пепельницу.

— Давай, Коршунов, свои вопросы. Раньше ты не мог...

— Не успел я раньше, товарищ майор. Вы вроде бы и не предлагали задавать вопросы...

Орехов хмыкнул. Потянулся к пачке папирос щелкнул по ней пальцем, усмехнулся:

— Ясно, Коршунов, для всех ясно. А тебе, конечно, ничего не ясно?

— Почему, товарищ майор? Кое-что ясно. Но вопрос у меня к Петрову все-таки есть. Можно?

— Конечно, – подтянулся Орехов. – Давно спросить было можно. Ну, спрашивай!

Коршунов щедро улыбнулся своей излюбленной улыбкой, и как бы нехотя спросил:

— А вам, товарищи Петров и Куренков, известны но, что Вайсман отсидел семь лет за махинации золотом?

Это был нокаут. Даже выдержанный, всегда спокойный Алеша Петров был ошарашен. Но у меня вырвалось у первого:

— Как же так? Мы же личное дело смотрели!

Коршунов снисходительно усмехнулся:

— В том-то и дело, что смотрели. Я почему-то так и думал, что вы будете смотреть. И тоже интересовался. Там же поинтересовался, как говорят Жмеринке, не отходя от кассы. И вот что выяснил. Ровно десять лет назад Вайсман вышел из тюрьмы. Отсидел семь лет от звонка до звонка. Несмотря на идеальное поведение. Улавливаете?

— Яснее, – построжал Орехов. – Доложи, что выяснил. Без всяких этих...

— Выяснил я немного, товарищ майор. Пустяк выяснил. Семь лет Вайсман получил за противозаконные операции с золотом. Но одна маленькая деталь. Он в ходе следствия обвинялся в покушении на убийство... зубного техника Михеева, своего подельника. Если бы он сказал – на папу римского – мы бы поразились меньше.

Начальник уголовного розыска побагровел.

— Ты что, Коршунов, тут цирк устраиваешь? Докладывай четко и ясно. Я лично не припомню этого дела. А на память пока не жалуюсь. Когда это было?

— Было это не у нас, товарищ майор. Было это как я уже говорил, десять лет назад. И было это городе Одессе. И часовщик Вайсман там работал... зубным врачом.

Сведения, сообщенные Коршуновым, были чрезвычайными. Поэтому в Одессу выехали Орехов и Коршунов. Вернулись они через двое суток с покрасневшими от бессонницы глазами и ворохом новостей о прошлом Вайсмана и Михеева, С

помощью одесских товарищей они выяснили, что оба зубных техника состояли в подпольном синдикате некоего Илизарова, ворочавшего капиталами, обозначенными семизначными цифрами. «Синдикат» занимался скупкой редких антикварных вещей из ценных металлов, бриллиантов, золота, старинных монет и старинного фарфора, картин известных русских мастеров, словом, вещей, имевших музейную, национальную ценность. Все это по надежным, годами налаженным каналам переправлялось за границу. Сам Мансур Илизаров сделками не занимался. Во всяком случае напрямую. Он жил то в Баку, то в Москве в лучших гостиницах, а черную работу среди коллекционеров, иностранцев, спекулянтов вели его агенты во многих городах, алчные, цепкие, но осторожные хищники типа Михеева и Вайсмана. Он был парадоксально противоречив, этот Илизаров. Осторожный до невероятности, тщательно конспирирующий свою деятельность, он в то же время любил шикарную жизнь, жаждал быть властелином. Окруженный свитой фрейлин, как он выражался, имея личных парикмахера, шофера и массажиста, мог при виде пристально глянувшего на него милиционера бросить все и всех и на недели забиться в глухие уголки южных гор, поменять обличье, лебезить перед пастухами, выдавая себя то за собирателя фольклора, то за активиста – борца за чистоту окружающей среды. При случае он мог предъявить членский билет Союза кинематографистов СССР, так искусно подчищенный, что об этом не подозревал сам Илизаров, но билет, дававший ему право нигде не работать и колесить по стране, когда ему заблагорассудится.

Он не доверял даже самым близким своим соратникам и так поставил дело, что агенты вели свои дела вроде не с ним, а друг с другом, хотя знали, что огромная доля их кровной добычи попадала в его холеные, аристократические руки с нервными тонкими пальцами шулера. Его смертельно боялись и берегли пуще глаза, ибо у Илизарова было главное – каналы, прочные, отвечающие золотым мерцанием каналы на заграничные спекулятивные биржи, туда, откуда к его хищной стае в обмен на национальные ценности текли непрерывные, хотя и не очень обильные ручейки валюты – предельной мечты каждого его пса о лазоревом будущем – виллой на берегу моря, где-нибудь подальше от страны, которую они предали и обкрадывали. Полтора года раскручивали следственные органы преступные дела «синдиката», и далеко не случайно, что фамилия Илизарова, и сама фигура «президента» всплыли где-то под конец следствия, только через несколько месяцев после того, как все активные члены правления по привычке к тюремной «баланде» и охотно давали показания друг на друга, начисто «забыв» о главной фигуре. Он был умен, даже талантлив, и все-таки ограничен, как ограничен любой преступник, ибо человек, сделавший преступление целью своей жизни, просто не может быть высококультурным. Это противоестественно, как если бы волк выбрал себе целью жизни пасти милых ягнят и питаться до конца своих дней тем же, чем и его питомцы. Он мог, Илизаров, гениально рассчитать любую спекулятивную комбинацию на сто ходов вперед и тут же, ковыряя платиновой зубочисткой в зубах, посетовать:

— Надоела эта всякая икра, эти осетры и балыки. Хочется чего-то настоящего, истинно возвышенного – шей или, к примеру, домашнего кваса.

И все подобострастно ржали над низкопробными потугами, только подчеркивающими убогость его интеллекта, как ржали над его вечным юмором,

выражавшимся в том, что он лично лепил любым подручным материалом сотенные купюры на лбы своим «фрейлинам» или заставлял шофера умываться шампанским, так как от него воняет бензином. Это все было капитуляцией перед умом, перед культурой вообще. Это было непрекращающееся падение, многолетняя деградация того небольшого истинного, хорошего, что заложила в него природа.

Он любил повторять слова:

– Умный любит учиться. Дурак – учить.

А сам как раз ежеминутно учил. Только б были рядом разинутые рты и блестящие рабелепные глаза. Уничтожал в человеке человеческое. Прежде всего человеческое в себе самом.

– Мы должны быть мыслителями и воителями – говорил он ближайшему окружению открыто, не прячась, презирая каждого, кто слушал его.

А сам был начетчиком и трусом. Он боялся патологически. Он боялся шкурой, инстинктами, но не разумом. Ибо прежде всего разум бы подсказал неизбежный конец. Неизбежный и заслуженный.

Вот у этого «властелина», «президента» на вторых ролях трудились Михеев и Вайсман. Трудились долго, рьяно и безотказно. Но это не значит, что они только смотрели на золотой поток, текущий к Илизарову. Нет, они были изворотливы и хитры, алчны и предприимчивы, немало золотых ручейков из илизаровского потока сбежало и в их жадно раскрытые кубышки. К их рукам немало прилипло. И в этом их уличили, и многое у них нашли, о чем-то они сами вынуждены были рассказать, припертые к стенке фактами. Но следователи, ведущие это крупное дело, были убеждены, что далеко не все рассказали Михеев и Вайсман, что не все украденное у государства вернулось к нему, что где-то в потаенных схронах, в банках из-под селедки или в бабушкиных ботах хранится еще много золота и драгоценных камней. Знали, были убеждены, но не могли доказать, несмотря на все свое искусство, и не могли заставить признаться этих двоих, для которых их золотые заглазки были не только залогом будущей лучезарной жизни, но и за которые они не пожалели бы ни друга, ни брата, ни мать родную. Ибо это было золото – их сердце, кровь, пища, смысл земного существования.

Они работали в Одессе в одной связке и потому е верили друг другу. Не верили истово, ибо знали, То вся их работа – это обман, помноженный на обман. Они почувствовали, но поздно, что петля расплаты начинает сжиматься вокруг них – и решили произвести расчеты, последние расчеты друг с другом, чтоб исчезнуть, испариться из этой жизни – и возникнуть где-то далеко прилежными чиновниками с другими фамилиями, с другими семьями – и продолжать лелеять мечту о вилле на берегу лазурного моря со швейцаром с галунами и горничными с длинными ногами и в белых фартучках. Ради этой мечты они б меняли, при надобности, десятки фамилий, пока они не зазвучали подлиннее фамилий испанских аристократов. Но их взяли на зимнем пустынном пляже во время расчетов. Взяли, когда Вайсман булыжником подвел сальдо в расчетам взяли залитого кровью Михеева и нервно хихикавшего Вайсмана, пораженного собственной отвагой, и повезли вместе с неказистым чемоданчиком, перевязанным бельевой веревкой, и окровавленным булыжником. В чемоданчике оказалось ровно 5 тысяч долларов, которыми Михеев, по обоюдному признанию валютчиков, пытался рассчитаться с Вайсманом за двадцать золотых червонцев царской чеканки. Следователи не удивились, когда

выяснилось, что из пяти тысяч долларов ровно четыре девятьсот оказались фальшивыми. Не особенно удивились этому и компаньоны. Работа с такими же, как и они сам предпринимателями, хоть и заграничными, всегда чревата риском. Ничего не попишешь – гримасы черного бизнеса. Фальшивые доллары, которые Михеев пытался всучить Вайсману за царские червонцы, и были причиной драки.

Этой версии они держались порознь и при очных ставках, как будто заранее договорились о ней перед тем, как Вайсман поднял мокрый от брызг моря булыжник и хладнокровно стукнул Михеева по голове, когда тот развязывал узел на бельевой веревке.

За что хотел Вайсман убить Михеева? За то, что знал о фальшивых долларах? Или просто хотел завладеть валютой? Или мстил за что-то?

10

Да, Коршунов был на коне – и от этого никуда не деться. О нем говорили, кто с восторгом, кто с завистью, но все сходились в одном – в нашем розыске он был фигурой незаурядной. Мы с Алешей молча переживали свое поражение, хотя задание у нас было локальное – выяснить круг знакомств Вайсмана – и мы его пытались выполнить честно, как все, что нам поручали. Никто не думал, что Вайсман преступник. Он – пострадавший – и задание диктовалось целью определить круг его знакомств, чтобы выяснить, не было ли у кого повода для сведения с ним счетов, поводов для мести, и надо сказать, что и начальство, имея показания Михеева об убийцах дало нам это задание скорее для формы, для очистки версии, как говорил Орехов. Нам и в голову не могло прийти, что личное дело Вайсмана подогнано под его трудовую книжку, где ни слухом ни духом не упоминалось о судимости.

– Не обижайтесь, ребята, вы хорошие работники, набитые знаниями, как чемодан курортника шмотками. Дай вам факты – вы их так разложите по полкам, что истине некуда просто деваться. Но вот добыть факты – тут у вас слабо.

Сегодня, расслабленный, до отвала напоенный славой, удовлетворенный, он, Коршунов, был почти что добр. Он не издевался, он поучал нас, зная, что имеет на это право. И мы молча слушали его, молча страдали от его поучений, в глубине души благодарные, что он по-королевски разрешил себе с нами почти человеческий тон. А поучения, что ж, мы заслужили, чтоб он нас поучал, тем более, что я сам его попросил рассказать, как он «вышел на масть».

Конечно, мы уже знали, что Коршунов, не делаясь догадками с начальством, вышел на коллег из Одессы – и те ему кое-что сказали. Все это мы знали. Но вот как у него зародилась мысль, что Вайсман и Михеев бывшие преступники – вот это мы не могли понять – и зная, что нарвемся на издевательства, все же спросили после ужина.

Он не смог быть до конца благородным и поучал нас, как младенцев из пионерского патруля, поучал обидно и свысока, но мы, понимая, что он нас обошел лихо и безоговорочно, молча сносили его тон, не соглашаясь с ним, но и не пытаясь возмущаться, ибо Коршунов был прав и по-своему снисходителен. Догадывались, он «добр» оттого, что положил нас на лопатки, что это доброта праздника победы над своими вечными оппонентами, даже противникам мы это знали, но желание

понять механику его победы мирило нас, во всяком случае внешне, с его развязным поучительным тоном, хоть и без прямым издевательских выпадов.

— Да, вы хорошие работники, но никогда не сможете стать выдающимися, только не обижайтесь на старого ворчуна. — Он изобразил на лице нечто похожее на добродушную улыбку. — И знаете почему?

Мы отрезанно проигнорировали дурацкий вопрос.

— Да только потому, что вы не можете летать. А полет в нашем деле — интуиция. Интуиция, с полными карманами подозрений. — Он с удовольствием хохотнул. — Вот вы по этому поводу спорите со мной, давая меня знаниями и цитатами. Вы шумит что это не наш подход, это их нравы. А вдумайтесь во фразочку, которую любит повторять ваш любимый Козлов. Как она звучит? — Он воздел перст: — Доверяйте своему нюху, но и проверяйте. А что это такое, как не мое кредо? Что, не согласны? Мы упорно молчали.

— А я вот всех подозреваю. Всех, всегда и при любых обстоятельствах. Вспомните протокол осмотра места происшествия. Отбросим его стилистический кретинизм и оставим только любимые вами факты. — Он опять хохотнул. — Что мы имеем? Пустая и полная бутылки водки, шашлык, сгоревшие джинсы и рубашки. Теперь дополнение к этим фактам и допроса Михеева, который вел ваш очередной любимец Орехов: у Вайсмана был японский магнитофон и крупная сумма денег, золотые швейцарские часы с золотым браслетом. Ну-ну, напрягитесь! Вы же аналитики, а я вам фокусирую факты. Давайте поиграем в нашу игру.

Мы переглянулись. Мы знали друг друга с детства — и сразу поняли, что у каждого забрезжил пока еще едва заметный след догадки.

— Ваш Орехов, как и вы на совещании, не обратил на эти факты никакого внимания. Пришли два охламона в кепочках и пристукнули бедного Вайсмана. Но почему же никто не подумал, для чего же на безобидном пикнике понадобились покойничку...

— Крупная пачка денег в двадцатипятирублевых купюрах, магнитофон, стоящий тысячу рублей, и золотые часы с золотым браслетом, — тихо продолжал я.

— Ого, мальчики заговорили. Вот почему я и торопился. Я так и знал, что вы первые задумаетесь этими несуразностями и отберете у меня славу. Но я вас переоценил. И тогда, когда вы выясняли связи Вайсмана, и когда мне задавали дурацкие вопросы на оперативке. Ну, а дальше?

— Дальше проще, — снова сказал я. — Ты задумался, во-первых, откуда у скромного часовщика крупная сумма денег и такие ценные вещи, и настолько ли он скромен. И ты начал действовать. Кто-то из твоих информаторов вспомнил Вайсмана, а дальше было делом техники — твои друзья из Одессы дали тебе предварительные данные — и ты их эффектно выдал за результат собственных озарений на оперативке, посрамив нас с Алешей.

— Почти верно, моя радость. Только одна поправка. Вместо того, чтобы мчаться в горбыткомбинат, как это сделали вы, я отправился на маленькую тихую улочку, известную и вам, в скромный двухкомнатный домик, где вместе с Вайсманом проживает его родная жена Рива Ефимовна. После настойчивых просьб с моей стороны и не менее настойчивых расспросов о причинах визита с ее стороны, дверь, запертая на тысячу хитроумных запоров, открылась — и я вошел в дом.

Он выдержал эффектную паузу. Мы молчали. Театрально вздохнув, Коршунов продолжил;

— И что я увидел? Да ничего особенного! Квартира, как квартира. Мебель – отечественная, холодильник «Днепр», ковры – не бог весть. Но на тумбочке стоял такой скромненький серебряный самоварчик с медалями – век этак восемнадцатый. Сдай его как металл – на отпуск не хватит. А продай его знающему человеку – на «Волге» в Ялту поедешь. А на стеночке иконка, небольшая такая, века семнадцатого-восемнадцатого, да в серебряном окладе, да с чеканкой и финифтью. Покажи такую в музее – эксперты в обморок попадают. Вот тут-то я вспомнил, что кое-что доводилось мне слышать когда-то о махинациях с такими штучками. Ну, а дальше, как любит говаривать мой друг – доктор Ватсон важный кивок в мою сторону – дальше все было делом техники. Ну что, племя младое, есть вопросы? Коршунов сладко потянулся, собираясь встать уйти в свою комнату. Он уже был сыт своей победой.

— Ты одного не пояснил нам, Коршунов, из того, что так любезно фокусировал, – тихо сказал Алеша. – Как ты думаешь, почему убийцы не добились Михеева?

Коршунов, как тянул руки вверх, так и замер в мгновение. Его взгляд остро сверкнул и резанул по глазам Алеши.

— Ого, курсант. Ты смыслишь – значит существуешь. Пока... – Он опять хохотнул. – Впрочем, чем-то вам надо подумать и самим.

— И еще ты не сказал, Коршунов, – так же тихо продолжил Алеша. – Почему заведомые пьяницы-убийцы, потроша портфель, не забрали с собой полную бутылку водки. Правда, странно?

Коршунов поднялся и несколько секунд молча смотрел прямо в переносицу Алеши. Серая лава заклокотала у него в глазах, но тут же зрачки уплыли куда-то далеко в глубь коршуновского взгляд и он, судорожно зевнув, сказал:

— Однако спать пора. И уже у самой занавески своей комнаты добавил: – Вот тебе и теляти. Волка сожрет...

11

На доклад по делу об убийстве Вайсмана Козлов вызвал Орехова, Коршунова и нас с Алешей. Настроение у нас было получше, чем вчера. Наши организационные усилия по розыску убийц часового мастера после ряда осечек дали, наконец, реальный результат. Из вытрезвителя в Лазурном сообщили, что в день убийства, 11 июля, в 19 часов дружинниками был доставлен в невменяемом состоянии некто Сорокин Дмитрий Дмитриевич, по приметам полностью совпадавшим с описанием, данным Михеевым.

— Что значит полностью? Уточните, – потер переносицу Козлов.

Орехов раскрыл папку.

– Читаю из протокола допроса Михеева: «Первый, тот что ударил палкой Вайсмана, был лет тридцати, спортивного сложения, рост примерно 175 см, глаза голубые, синяя полурукавка – майка с надписью «Адидас», спортивные брюки, тоже синие, красно-белые кроссовки».

А вот что сообщают товарищи из Лазурного: «Сорокин Дмитрий Дмитриевич. 33 года. Рост 176 см, волосы русые, глаза голубые, на левой руке татуировки: на

пальцах «Дима», на кисти «Лена+Дима – могила», на правой: «Не забуду мать родную», на груди – голова женщины с распущенными волосами. Одет – в синюю майку с надписью «Адидас», в синие шерстяные спортивные брюки, на ногах кроссовки 43 размера, красно-белые».

– Попадание точное, – недобро усмехнулся Коршунов.

– Не люблю слишком точных попаданий в нашем деле. От суеверия, наверняка, – добродушно буркнул Козлов. – Что выяснили еще по сути дела и по личности задержанного? Кто выяснил?

— Коршунов, товарищ полковник.

— Говори, Коршунов.

Коршунов встал, тоже открыл папку, но докладывал, не заглядывая в нее.

— В зоне отдыха у лесного озера в день убийства, 11 июля, патрулировали дружинники совхоза «Рассвет», в количестве пяти человек. Четверо мужчин и женщина. Где-то после обеда, примерно в четырнадцать-тридцать, четырнадцать-пятьдесят (мнения дружинников расходятся) к ним обратился какой-то мужчина и сказал, что у озера двое пьяных пристают к отдыхающим, угрожая палкой, требуя водки. От костра, где было много мужчин, их отогнали, и они с угрозами и ругательствами углубились в лес именно в том направлении, где был обнаружен труп Вайсмана.

Дружинники тут же отправились к лесному озеру большая компания у костра подтвердила факт появления двух пьяных, которые нагло требовали угощения, подтвердила и то, что их прогнали и они ушли в лес. Дружинники, разделившись на две группы, прочесали лес вблизи озера, но никого не обнаружили. Примерно в восемнадцать часов к ним подошел тот же мужчина и сказал, что видел одного из хулиганов, спящего в кустах примерно в трех километрах от места убийства Вайсмана. Дружинники отправились в указанном направлении и обнаружили спящего Сорокина. С помощью дежурного наряда милиции, Сорокина, так и не добудившись отправили в вытрезвитель Лазурного. В заднем кармане брюк у пьяного были обнаружены золотые швейцарские часы «Докса» с браслетом, коробка спичек и сорок копеек.

— Ниче-е-го себе, – присвистнул Козлов. – Ну-ну, давай дальше...

— Ну, а дальше – проще, – снова усмехнулся Коршунов. – Из вытрезвителя его не отпустили и не только потому, что не было документов и личность Сорокина в протоколе зафиксирована только с его слов, но и потому, что тот не мог объяснить, откуда у него взялись золотые часы. А тут подошла наш ориентировка.

— Так-так, интересные делишки, орлы-командиры, – задумчиво побарабанил пальцами по столу Козлов и удовлетворенно сказал:

— Ну, что ж, неплохо, на третий день имеем убийцу. А что второй?

— Сорокин утверждает, что – из отдыхающих, не местный, зовут Вова...

— А как же показания Михеева, где высокий кричит: «Миха, добей второго!».

— Наверное, темнит Сорокин. Ничего, порастрясем, что-то выпадет, товарищ полковник.

— Ну, что ж, молодцы, – так же задумчиво сказал Козлов, сказал так, будто это слово относилось только к Коршунову. – Ну, а что за тип, этот Сорокин?

— Здесь дело похуже. Не успел, товарищ полковник. Выяснил только, что он бывший разрядник по гребле, спился, отсидел три года за грабеж, холост, живет у

сестры, работает эпизодически: то грузчиком, то матросом на спасательной станции. У меня все.

— Ну что ж, и этого не мало, — бодро сказав Козлов и отодвинул от себя пепельницу, что означало обычно конец доклада или совещания. — Надо будет доставить его побыстрее сюда, обтрусить, как осеннюю грушу, и передать прокуратуре. Пусть готовят мальчика к суду, разрешите, товарищ полковник? — поднялся Петров.

— Что у тебя? — задержав руку на пепельнице, спросил Козлов. — Надо закругляться. Работы невпроворот. Разговоры говорили — дело делать нам пора, — Он был явно в хорошем настроении.

— Мне кажется, в докладе Коршунова есть ряд неясностей, которые необходимо прояснить.

— Действительно, кое-что есть, но факты настолько убедительны, что надо работать над ними, по главным направлениям. Впрочем, довыяснить кое-что надо. Ну, а ты по каким неясностям?

— Во-первых, надо тщательно допросить всех без исключения дружинников. Уточнить время до минут. Это возможно. Выяснить, что за мужчина обращался к ним. И почему именно он дважды.

— Какое время ты хочешь выяснить?

— Время обращения к дружинникам мужчины, время появления пьяных у костра большой компании, время, когда к компании подошли дружинники, время, когда они начали прочесывать лес и время, когда к ним снова обратился тот же мужчина. Алеша секунду-другую молчал.

— Кроме того, необходимо поговорить с двумя-тремя из тех, кто сидел у костра. Они смогут дать точное описание второго. Не исключено, что дружинники по их описанию опознают второго, если он действительно из отдыхающих. Они ведь в основном живут в Лазурном, где и дружинники, а такая личность, склонная к пьянкам, может быть им даже очень хорошо знакома.

— Что ж, резон в твоих словах есть, — согласился Козлов. — Мне и самому эти неясности портили бы кровь. Хотя, уверен, допрос Сорокина нам многое бы прояснил. Значит, делаем так, орлы-командиры. Петров берет машину — и в Лазурный, действуй по своему плану, он у тебя в голове уже криком кричит. Коршунов — все по личности Сорокина довыясни, чтоб быть к допросу его на уровне. Все. Когда доставят задержанного — сообщи мне, — это он уже к Орехову. — Приду — поприсутствую. Ну, а Куренков — к Михееву. Допроси его еще разок, да потщательнее. Много темного еще в этой истории. Покопайся в его жизни, делах. Чую нутром, что делишек своих не бросил. Взять бы его за горло. Но нечем, нечем. Но и спускать глаз теперь нельзя.

Козлов снова засмеялся и хлопнул по плечу Орехова. — Ты уж не обижайся, что я тут за тебя раскомандовался. Пойми, старик. Снова почувствовал себя начальником уголовного розыска.

Изредка я поглядывал на Коршунова. За все время после доклада он не проронил ни слова. Сидел невозмутимо, глядя в окно. И только когда Петров изложил свои сомнения и свой план, его глаза знакомо, как позавчера, остро сверкнули и на скулах вздулись желваки.

Мой допрос Михеева ничего не дал. Он слова слово повторил свои прежние показания. По фотоальбому он никого не опознал, а про Сорокина Орехов мне пока ничего потерпевшему говорить не советовал. Не советовал он раскрывать и то, что мы знаем про его прошлые дела с валютой.

— А у вас ничего не пропало? У вас преступники ничего не взяли? – напоследок, просто так, для формы, поинтересовался я.

И поразился реакции Михеева на свой вопрос. Желтое, с синими подглазьями лицо его болезненно сморщилось. Страшная гримаса исказила левую сторону лица, приподняв щеку и обнажив тускло блеснувшие золотые коронки. Дрожащие губы несколько секунд прыгали, справляясь с волнением, потом вытолкнули полушепот-полувои:

— Крест у меня нательный, платиновый взяли, семнадцатый век, с изумрудом в семь каратов. Ирод проклятый, чертоглазый.

— Кто взял, какой ирод? – ошеломленный услышанным чуть ли не закричал я. – Кто взял, Михеев?

Михеев, закрыв глаза, молчал, левая щека его дергалась, приоткрывая мутный зрачок, из глубина которого неотвратно выползла крупная слеза.

Вошел врач, встал в изголовьи кровати, всем своим видом показывая, что мне надо уйти. Я нерешительно дотронулся до плеча Михеева и тихо спросил.

— А какая цена этого креста, Михеев?

– Нет цены кресту, парень. Нет, – так же тихо ответил и слеза, оторвавшись, наконец, от ресницы, облегченно скатилась вниз, и канула в зарослях его отросшей за эти дни щетины. – Нет цены кресту, да и мне теперь нет цены, амба – донеслось до меня, когда я закрывал дверь.

Через сутки, почерневший, исхудавший, ночью вернулся Алеша. Он, ни слова не говоря, прошел на кухню и начал там шарить по полкам. Я подошел к нему. Он жевал колбасу.

– Ну что, Алеша, как дела, нашел что-нибудь?

– Потом, потом, завтра, все завтра.

Он снова качал шарить по полке и вдруг свистящим шепотом, не оборачиваясь, спросил:

– А где был Коршунов 11 июля?

Я онемел.

— Ты что, с ума сошел?

Его шепот зазвенел совсем невыносимо.

— Я тебя спрашиваю, где был Коршунов 11 июля?

— Одиннадцатого июля, Петров, я был на море, купался.

Я обернулся. За моей спиной стоял Коршунов.

Как мы ни вымотались, а уснуть не могли. Лежали молча, так как за тонкой занавеской слышалось настороженное дыхание Коршунова. Мысли в моей голове прыгали, не давая сосредоточиться, бросались то в лед, то в пламень... «Коршунов причастен к убийству? Чушь, бред! Но ведь Алеша ясно дал понять, что подозревает его. А это Алеша – основательный человек, который семь раз отмерит, а потом еще

пять раз по семь, – и только потом отрежет, и все-таки – нет, не может такого быть, работник милиции, столько раз отличался, нет...»

И тут мне вспомнился один давний разговор с Коршуновым. Два года назад. Мы все трое были в командировке. И ждали, когда появится в городе Н. крупный аферист Веня Жуховицкий, продающий фальшивые лотерейные билеты с крупными выигрышами. У нас были точные данные, что он обязательно появится у своей любовницы. Она же, трезво оценив свои и наши возможности, быстренько, не дожидаясь обыска, принесла нам две сберкнижки на предъявителя на крупную сумму и письмо без обратного адреса от Вени, в котором тот сообщал, что... «твой малыш прибудет в ближайшую неделю отдохнуть несколько лучезарных дней со своей богиней».

Вот именно в часы такой подмены и возник один из бесчисленных «на грани» разговоров, который всегда начинал Коршунов, и который, накалившись докрасна, заканчивался извечным коршуновским «шучу». После вкусного обеда мы лежали в уютном номере и перебрасывались словами. И я сам невольно спровоцировал этот разговор. Я спросил:

– Послушай, а почему тебя за глаза называют Коршун? И почему ты ни с кем не дружишь?

Он усмехнулся уголком рта:

— А я и есть Коршун. Вообще мир делится на голубей и коршунов. Что бы вы там ни говорили. И коршуны должны питаться голубями. А что у нас получается?

Частенько наоборот. Сидит жирный голубь на базе, ворует у меня и надо мной же смеется. А его ты – рр-раз – и только бы перья полетели. – Он хищно рубанул воздух рукой.

— Да мало ли мы их рр-раз!? – Это я не выдержал, хотя знал, что лучше всего дать Коршунову выговориться. Быстрее все будет.

— Э, да ты, Куренков, ничего не понимаешь. Я не в этом плане. У него ведь, гада, и машина, и дача, и хрусталь, и золотишко по схранам. А надо – рр-раз! – и все это мое! А он пусть мое пальто за 80 рэ донашивает и вместо меня углы у теток снимает.

— Шутишь?

— А чего шутить? – Он полуулыбнулся, полуослабился. Как хочешь понимай, мол, но не исключено, что шучу.

— Вот так бы рр-раз – и цапнуть тысяч триста – и в юрисконсульты на макаронную фабрику, И до конца дней рубай икру и балуй краль магнитофонной мутью на тихой дачке.

Полуулыбаясь, он повел шеей, как будто его душил воротник.

– Шучу, как вы догадались. А насчет того, что ни с кем не дружу, так это вы в самую точку. Все великие личности – одиноки. Возьмите великого полководца. Что бы там ни говорили – он один принимает решение. Или поэт – кто ему будет рифмы, или, к примеру, метафоры заготовливать? Или великий вор. Он ведь всегда одинок – и потому велик. Его и не взять.

– Так кто ты, великий полководец, великий поэт или великий вор?!

– Напрасно улыбаешься, Куренков, – вдруг зло, даже злобно оскалился Коршунов. Я – личность а ты, природе еще надо много над тобой поработать...

Он так же неожиданно успокоился, как и вспылал. И только голос его был слегка хрипл, когда он продолжил:

— Мир не может без личностей. Даже в тюрьме. Личности – наверху. Остальные – «шестерки», их обслуживают. Один – личность за то, что друга прирезал. Другой – поет хорошо – тоже личность. Третий – кулаком убить вола может. А помню был один охламон – гора вонючего мяса, но тоже личность. Ладони – лопаты. Так вот, подставлял он ладони – ему выливали в них кружку воды. И он час держал ее, на спор, как в кастрюле. На землю – ни капли. Вот за это ходил «в авторитете».

— Хороши личности, позавидуешь, – хмыкнул, не выдержав, Алеша Петров.

— Хороши или плохи, а личности! А что в нашей милиции?

— Так что в нашей милиции?

— Плохо работаем, вот что! – безапелляционно рубанул Коршунов.

– А чем плохо?

– Всем. Вот в том же тюрьме. Приходит в камеру тип. Узнаем. По такой-то статье получил срок за ограбление кассы магазина. А «тюремное радио» уже сообщило. На нем висит еще пять ограблений. Или. Взять нашего Веню – афериста. Мы его возьмем за два билета, а в камере будут знать, что он их десяток продал прохиндеям, которые не побегут на него жаловаться. Вот и выходит, что показухой прикрываем свою плохую работу.

— Спорить с тобой неохота, Коршунов. Ты свои доводы извлекаешь из-за решетки. Да и почему тебе все это не изложить на собрании, не поделиться мыслями с товарищами или хотя бы с Козловым...

Коршунов знакомо хохотнул.

— Леность мысли у вас, милые вы мои. Сколько ни стараюсь вызвать на спор, не могу. Чего уж только ни придумываю. А вы только сопите в четыре дырки и все ваши мысли о том, кто из нас что получит за задержание Веньки. А взять бы его книжки да положить по 25 тысяч в карман – и это было справедливо.

Может ты уже заткнешься? – не выдержал я. – Нам надоели твои провокации.

— Я начинаю думать, что это не провокации, а истинные его мысли, – поддержал меня Алеша. – Больно уж одинаково гнусно вызывает он нас спор. И грязновато...

— Картина та же. Действующие лица – те же. Нехороший и хороший. Скукота. А впрочем, я свои истинные мысли не словами доказываю, как вы, а делами.

Тут спорить было с ним сложно.

Вот об этом разговоре я подробно вспомнил в эту ночь и тяжелые думы гнали сон. Но под утро организм взял свое, и я забылся. Казалось, и глаз не успел сомкнуть, как отчаянно заверещал будильник. Мы с Алешей разом вскочили и начали натягивать спортивные костюмы. В комнате у Коршунова было тихо. По раз и навсегда заведенной привычке мы делали солидную пробежку, потом зарядку, брились, умывались, завтракали – и шли на работу.

Но сегодня мы, не сговариваясь, измученные бессонницей и беспокойными мыслями, отложили костюмы и вышли во двор, к умывальнику.

— Ну, что у тебя? Не томи, – сразу же, как только мы отошли на пяток метров от дома, спросил я, все еще надеясь, что это тот редкий случай когда я с полуслова не понял друга.

— А вот то у меня, Витя, что во всех лесных перипетиях замешан Коршунов. Всю ночь думал, голова раскалывается. Надо идти к Орехову. Прямо сейчас. Это уже не

провокационные разговорчики с концовкой «шучу», за которые не ухватишься. Это факты. Коршунов в лесу вел какую-то свою игру. И кое-какие догадки у меня есть.

— Да не томи ты, — чувствуя, как кровь толчками бьется в виски, взмолился я. — Говори конкретно.

— А конкретно вот что я выяснил. Сорокина напоил человек по приметам... точь-в-точь Коршунов.

— Откуда тебе это известно?

— Сам допросил Сорокина. Больше того, дружинников на Сорокина тоже вывел человек по приметам — чистый Коршунов. Правда, дружинники говорят, что тот прихрамывал и глаза закрывали большие солнечные очки, но характерные приметы Коршунова не спрячешь. Картавость речи, черные волосы, рост, манера рубить воздух правой рукой, ну так далее, сам знаешь. Кстати, Сорокин говорит, что второго, Вову, уже хорошо выпившего, тоже привел этот мужчина и дал им вторую бутылку водки и попросил поугарить фраеров у костра, которые его обидели.

— Но зачем, зачем? — чуть ли не закричал я. — зачем ему все это?

— А за многим. Может, за тем, чтобы сразу подsunуть следствию мнимого «убийцу», а тем временем самому его взять и отraportовать, пока будут возиться с пьяницей. А может, и потому, чтобы «сфабриковать» улики, притом неопровержимые, засадить за решетку невинного, а настоящему убийце дать уйти.

— Подумай, что ты говоришь!

— А может, и потому, чтоб просто выиграть время, чтоб взять сорванный куш — и спокойно уйти самому.

— Но...

— А может, все это глупое стечение обстоятельств, и Коршунов в трех словах все объяснит — и все мы только посмеемся.

Но я уже чувствовал, что никаких стечений обстоятельств, здесь не могло быть. Спаивать пьяницу, высвечивать его всем, выводить затем на него дружинников сразу же после убийства Вайсмана. Нет, тут что-то не то.

— А ты не думал, что есть один факт, который все ставит с ног на голову, — сказал я, не столько пытаясь опровергнуть Алешу, сколько послушать его соображения. — Каким образом Михеев «срисовал» Сорокина тютелька в тютельку. Он ведь видел убийцу и видел, как тот убивал Вайсмана? А золотые часы? Предположим...

— Предположить можно многое. И даже то, что Вайсмана убили Михеев с Коршуновым...

На какие-то секунды мой мозг отключился от этого страшного, неправдоподобного разговора. Какая-то чушь, дичь, фантастика. Только зрение, обостренное до слез в глазах, тупо фиксировало солнце, зелень деревьев, хилую бабку за забором, невесть как несущую огромный мешок с пустыми бутылками, слух улавливал пересвисты в кустарнике каких-то пичуг да еще грохот парового молота. Но тут же сознание вернулось и сразу вонзило в голову десятки вопросов, и я спокойно удивился, что это не паровой молот бухает, а мое сердце — и надо сию же минуту что-то делать. Это я тоже сообразил.

— Что ты предпримешь?

— Немедленно в управление. Кого найдем, тому все и изложим. Все, что за ночь в голову пришло. Козлова, Орехова, Лапиньша...

— А что ж ты ночью не пытался их разыскать.

— А что ночью? В голове полный сумбур. Набрал фактов... что-то чувствую, как лошадь, а сказать не могу. Ведь не о «биче» каком, а об инспекторе уголовного розыска речь. Думал. Анализировал. И теперь не во всем уверен, а тянуть нельзя. Это уже не его провокационные разговорчики, где не за что Я ухватиться. Это факты. И их надо начальству доложить. Чтоб факты проверить, надо еще кучу дел переворошить. А без начальства... Давай так, ты сразу же, до работы – к Михееву, присмотри за ним до распоряжений начальства, а я в управление. Выскажу свои мысли и начальство послушаю... Слишком уж все невероятно.

Но в наши планы были тут же внесены коррективы в лице водителя дежурной машины Лени Мунтяна.

— Срочно Орехов вызывает, – закричал он едва войдя в калитку. – Так и сказал, пять минут на сборы...

– И Коршунова?

— Всех.

Коршунов на наш отклик не отозвался. Мы вошли. Смятая постель была пуста. На тумбочке белел клочок бумаги. Я взял и вслух прочел: «Как-то цыган сказал жене, оглядев своих многочисленных детей: ну что, этих отмоем или чистых наделаем? Я решил и прежних отмыть и чистых наделать.

Целую ручки. Я вас действительно недооценил.

Коршун.

P.S. Привет Орехову».

13

Странно, но последовательность, точность, я бы даже сказал, интонация событий видится и ощущается четче, когда проходит какой-то отрезок времени. Сейчас, когда прошло с того злосчастного момента больше суток, когда заработала во всю мощь машина розыска, перекрывая Коршунову все лазейки, и мы немного успокоились, я под каким-то иным углом зрения вижу каждую минуту этого тяжелейшего для всех нас дня. Будто сам для себя прокручиваю несуществующую, но реальную кинолентку каждого жеста, каждого взгляда окружающих меня людей. Вот могучая фигура Орехова: сразу обрюзгшая, как-то расплывшаяся после того, как Алеша сообщил ему о своих выводах; вот его всегда спокойные, большие, крестьянские руки, повязавшие за 20 лет столько преступников, – сейчас суетливые, без цели снующие по ящикам. Вот его губы вытянутые вперед, а сейчас изломанные в белую кривую линию, вдруг визгливо выкрикнувшие, притом совсем ни к месту:

– А собаку, собаку пустили?!

Он уже знал, Орехов, что Коршунова ему не простят. Он еще распоряжался, куда-то звонил, но это распоряжался, звонил не начальник уголовного розыска, а усталый пенсионер, которого заставляют играть в каком-то случайном спектакле. И все мы это отлично понимали, и, не отдавая себе отчета, старались избегать прямого общения с ним, и шли к его заместителю Лапиньшу решать свои вопросы. Он, Орехов, даже распекал кого громко, излишне возбужденно, диктовал в разные адреса запросы, а в глазах его клубилась пустота отчаянья и мучал его единственный на сегодня вопрос:

— Как же так? Как же так?

И так как на этот вопрос не могло быть ответа, Орехов сгорал изнутри, выжигая из себя все, что раньше сделало его Ореховым, знаменитым среди уголовников «Орехом».

Наверняка, и через тридцать лет я буду помнить этот день четко и ясно: со всеми его мельчайшими деталями, до последней секунды.

8 ч. 5 мин. – 11 ч. 30 мин. 15 июля.

Вслед за Леней Мунтяном мы почти вбежали в кабинет Орехова. Он сидел спокойно, хотя глаза его были встревожены.

— Прибыли? Отлично. Берите машину – и живо на квартиру к Вайсману. Час назад поступило сообщение: вдова Вайсмана убита, квартира разграблена. Там сейчас оперативная группа, но вы занимались Вайсманом. Нажмите на соседей. Выясните, выясните... Я подъеду позже. Все... А где, кстати, Коршунов? Почему я его не вижу?

— Если вы его и увидите, товарищ майор, то или в качестве трупа, или в наручниках, – дергая, губами, тихо сказал Алеша Петров.

— Что-о? Что за идиотские штучки. – грохнул кулаком по столу Орехов, так что графин на сейфе жалобно задрезжал. – Вы что, пьяны?

— Я не пьян, товарищ майор.

И Алеша доложил о результатах своего расследования в лесу и изложил подкрепленную фактами свою версию о причастности Коршунова к убийству Вайсмана, о посещении Коршуновым его вдовы, об иконе и серебряном самоваре. Докладил четко и экономно, не вдаваясь в детали.

Огромный опыт Орехова к не требовал деталей. За все время доклада он не проронил ни слова, только каменная, огромная его фигура от страшного внутреннего огня плавилась, оплывала, теряла свои четкие очертания, и мне вдруг показалось, что за столом Орехова сидит совершенно посторонний человек и с ужасом ждет допроса. Именно в этот момент Алеша протянул Орехову записку Коршунова и тот незнакомым, визгливым голосом:

– А собаку, собаку пустили?

– Нет, не Орехов это кричал. Это кричал ужас от невероятности случившегося и неотвратимости суровейшего наказания. Мы видели, как последними остатками своей некогда стальной воли он пытался взять себя в руки, и страдали оттого, что ничем не можем помочь этому крупному, раздавленному услышанным человеку, который как руководитель несет персональную ответственность за каждого из нас. Наши успехи – это и его успехи. Его за них поощряют и отмечают. Но наши проступки и промахи – это и его проступки и промахи. За них ему тоже достается от начальства, как нам доставалось за это же от него, Орехова. Но преступление его подчиненного, если его сотрудник враг – это приговор Орехову как руководителю. И никто не будет разъяснять, за что вынесен приговор: за потерю бдительности, за то, что не разглядел, не воспитал, не предупредил, не предусмотрел... За все вместе. И за каждое в отдельности. И нет на свете справедливей этой по отношению лично к Орехову несправедливости. Ибо только лично он, Орехов, должен понести личное наказание за то, то его, Орехова, сотрудник нанес тяжелейший удар по престижу милиции, бросил тень на ее святое дело. Орехов подошел к сейфу, взял вздрагивающей рукой графин с водой и тремя-четырьмя глотками опорожнил его на три

четверти. Повернувшись, он секунду-другую непонимающе смотрел на нас, потом снял телефон и почти спокойно приказал дежурному.

– Немедленно доставить ко мне Михеева!

Не кладя трубки и не поднимая глаз, буркнул:

– Вы что тут стоите? Получили задание – выполняйте. Часам к одиннадцати быть на месте. Всем. я – к Козлову... Хотя подождите. Время терять нельзя.

Он сел за стол. Быстро, как всегда, набросал две странички. И протянул мне.

– Останешься здесь; Вместе с дежурным обзвони и обтелеграфируй все эти адреса. Полчаса на это! Действуйте.

Эти два листка должны были перекрыть через полчаса Коршунову все мыслимые и немыслимые пути из города.

Алеша вышел, а я задержался, чтобы уточнить один неясный для меня момент. Пронзительно зазвонил телефон. Орехов взял трубку, и лицо его посерело еще больше и губы вновь перекосило судорогой. И второй раз за эти полчаса он закричал чужим, визгливым голосом:

— Перетрясите всю больницу! Выясните, когда, куда, с чьей помощью, в чем, в какой одежде, на чем – все выясните и доложите через двадцать минут мне или Лапинушу.

Он поднял на меня пустые глаза и глухо сказал:

— Михеев исчез.

Его огромная ладонь жестко прошла по лицу, будто пытаюсь снять с него маску незнакомого мне Орехова, и бессильно упала на стол.

— Не теряйте время, Куренков, – тяжело сказал он мне. – Каждая секунда на счету.

Я вышел, осторожно прикрыв дверь. Так обычно выходят от тяжелобольного.

11 ч. 30 мин. – 13 часов. 15 июля.

Мысль о тяжелобольном не раз посещала меня в этот день. И каждый раз я мучительно вглядывался в себя, пытаюсь определить меру своей ответственности за все, что произошло, шарахаясь от крайней оценки к другой. В небольшом здании уголовного розыска к одиннадцати собрались все сотрудники. Не слышно было привычных шуток, подначек, смеха. Все говорили негромко, и вообще старались больше молчать. Казалось, что телефонные звонки верещат сегодня вдвое громче в притихших кабинетах. Орехова не было. В десять минут двенадцатого в инспекторскую зашел осунувшийся Лапинуш и тихо сказал:

— В обкоме они. Через несколько минут будут.

И вышел, так же, как и все, осторожно прикрыв дверь.

Действительно, через десять минут появились Козлов и Орехов. Молча, ни на кого не глядя, прошли через приемную и скрылись за обитой дерматином дверью. Ровно в одиннадцать тридцать всех пригласили в кабинет. Все, вроде, было как всегда, когда важные оперативки проводил лично Козлов. Он сидел, как всегда, за столом Орехова. Орехов, прежде, справа от Козлова. Лапинуш сел слева. Все остальные – на свои привычные места.

Все было, вроде, как прежде, и все совсем не так. Каждый сидел, стараясь не встречаться с соседом взглядом, будто боялся каждый из нас просесть в глазах

товарищей вопрос: «А ты не такой же? Кто тебя знает? Коршунов ведь тоже был без рогов и копыт, а вон кем оказался». Вот таким, убивающим веру в товарищей, с которыми идешь бок о бок на опасное дело, обернулось черное предательство одного. Оно нас спланивало ненавистью, но и обостряло подозрительность, и любой пустяк во взаимоотношениях наших, любой просчет в прошлом вдруг угрожающе выпирал из памяти и заставлял сердце биться неровными толчками. Время лечило от этого, но никогда не могло вылечить от раны, которую нам нанес Коршунов. И не только Орехов, самый юный практикант будет носить ее до самой смерти, незаживающую, посылая время от времени свежей солью воспоминаний.

Козлов обвел нас всех поочередно тяжелым взглядом и горько выдохнул:

— Допрыгались, отцы-командиры... Чего глаза прячете? Взять его, сволочь, надо. Достать из-под земли! Тогда и поговорим, какой подарок вы мне приготовили к пенсии.

С видимым напряжением он перевел разговор в другое русло.

— О наших разговорах с начальством я вам докладывать не буду. Скажу только, что Орехов Николай Николаевич пока, — он запнулся, подыскивая слова, — от дел отстранен. Исполнять его Данности будет майор Лапиныш, а руководить всей операцией буду лично я, до самой последней точки. Предупреждаю, главное управление поведет, служебное расследование и определит степень ответственности каждого. Но это будет не сегодня и не завтра. Сегодня и завтра мы должны вылезти из себя, но взять Коршунова. В помощь нам из Москвы вылетели два опытных оперативника. Их опыт нам пригодится...

Козлов хотел что-то добавить, но, глянув на часы, резко спросил:

— Так, что по Коршунову? Коротко. По существу. Есть след?

— Нет следа, — встал Лапиныш и почувствовав, что не так говорит, совсем поученически добавил: — Отрабатываем. Подключены райотделы города и близлежащих районов. Оперативные группы блокировали вокзал, аэропорт, автобусные станции, проинструктировали таксистов, дружинников, оперативные отряды, участковых. Размножены фотографии Коршунова. Сегодня же они будут у всех перечисленных групп блокирования...

— Ну, положим, это не ваша заслуга, а оперативной группы горотдела милиции, и все эти распоряжения шли от моего имени. Вы мне ваши, ваши версии и ваши меры давайте. Все, что вы сказали, правильно. Но Коршунов не дурак. Он не раз здесь сидел на совещаниях и знает нашу кухню. И не побежит в аэропорт выписывать билет на свою прекрасную фамилию! Я хочу знать, как думает искать преступника, гнусного убийцу достославный розыск Приморска! Коршунов забился в нору. Как его оттуда вытащить на свет божий, чтоб сработали все наши капканы? Вот каких мысля жду я от вас. Когда они у вас появятся — доложите.

Он перевел дыхание.

— Вайсман. Что там? Только коротко.

Встал Алеша Петров.

— Убийство гражданки Вайсман произошло в пять-шесть часов утра. Точнее будет известно к семнадцати. Следов и отпечатков много. Идентифицируются. Никто из соседей ничего не видел и не слышал: у Вайсмана отдельный двор. Собака взяла след и довела до остановки автобуса. Там след затерялся. Опрос водителей автобусов пока ничего не дал. В шесть-семь утра автобусы идут практически

пустые. Никто из водителей не может припомнить человека, сходного по приметам с Коршуновым.

– Цель убийства?

– Грабеж. Коршунов знал, что Вайсман хранил себя ценные вещи, возможно, золото и драгоценные камни. Он провел в доме, хоть и поспешный, но тщательный обыск: взломаны половицы, изуродованы столы в прихожей и на кухне, перерыты шкафы.

– Выяснили, что он взял?

– Точно знаем, что взял он уникальную икону огромной ценности, и такой же ценности серебряный самовар...

– Что, нельзя было выяснить у соседей, что еще пропало? – раздраженно прервал Козлов. – Про самовар и икону, слава богу, мы теперь знаем...

– Нельзя было, товарищ полковник, – спокойно ответил Петров. – Дело в том, что в квартире Вайсманов не был ни один из соседей.

— Хм, – угрюмо хмыкнул Козлов. – Ну и фрукты! Ну, а родственники, родственников вы привлекли?

— У них нет родственников.

— Садись, – так же угрюмо приказал Козлов. – По убийству жены Вайсмана тоже жду конкретных предложений.

— А может это не Коршунов грабил и убивал в этом доме? – вдруг подал голос Орехов. – Мог быть...

— Коршунов, – жестко отрезал Козлов. – Коршунов – и работать всем только в этом направлении. Не разрешаю расплывать силы на другие версии. Наша единственная сейчас задача – взять гада и прихлопнуть. Что с Михеевым?

— Как сквозь землю провалился, товарищ полковник, – виновато сказал Лапиньш. – Сосед по палате, Викулов, радиоинженер, показал, что Михеев рано утром поднялся...

– Что значит рано утром?

— Викулов не может точно сказать. Утверждает, час-полтора как рассвело. На часы он не смотрел.

— Дальше, – недовольно буркнул Козлов и посмотрел не часы. – Только короче!

— Михеев поднялся и сказал, что идет в туалет. Больше его ни Викулов, ни работники больницы не видели. Вещи он не забирал. Так и ушел в больничной пижаме. Тщательный опрос медперсонала ничего нового не дал. Никто к Михееву не приходил, никто ему не звонил и он никому.

— Никто никому, – так же угрюмо повтор Козлов. Никто никому. И у нас ничего. – Он снова обвел всех взглядом. – А вы знаете, что Михеев ближайший кандидат в покойники? Догадываетесь, наверное? Коршунов, он ведь концы рубит. Мы тут свои версии прокручиваем, а он их сволочь, назубок знает. Не раз с нами здесь сиживал. И знает, что мы ухватимся за Михеева, чтоб выйти на него. Знает и уберет сообщника. Пусть Михеев – проходимец, валютчик, сволочь отпетая, он гражданин нашей страны и находится под охраной закона Советской власти – прошу этого забывать. У меня все. Жду ваших предложений. У кого есть вопросы?

Вопросов ни у кого не было.

13.00 – 19 ч. 30 мин. 15 июля

Прибыли московские ребята Леонид Затейкин и Василий Старков. Кое-что о них доводилось слышать. Орлы. Такая помощь, конечно, нам нужна. Но не знаю, как

кому, а мне всегда становилось не по себе, когда к нам присылали такую ПОМОЩЬ. Броне не верили в наши силы и способности, Алеша меня пытался разубедить, но я оставался и остаюсь при своем мнении. Может, это комплекс неполноценности, а может, и убеждение, то самое убеждение, которое мне мешало жить, не позволяя компромиссов, очень мешало, но и приносило и приносит чувство уверенности, позволяющее при любых обстоятельствах не прятать от людей глаза. Я убежден и в том, что такое же чувство испытывали и многие другие ребята, и сам Алеша. Когда москвичи, побывав у начальства, пришли к нам знакомиться с информацией по делу, все держались чуть-чуть неловко и настороженно, безотчетно ожидая скрытых, а то и открытых насмешек, этаким столичным снисходительностью к нам, может даже завуалированной жалости. Но ребята оказались на редкость душевные, открытые, они не прятали свои мысли. И эта их открытость нас сразу же подкупила, растопила лед настороженности. Жалость и сочувствие – это большая разница. И когда Затейкин и Старков зашли к нам с Алешей знакомиться и с ходу открыто спросили:

– Как же вы, парни, так опростоволосились с Коршуном? – мы в их вопросе уловили только сочувствие к товарищам, попавшим в беду. И все рассказали. И все показали. И поделились своими мыслями, и сомнениями, и версиями, и планами.

Розыск уже работал вовсю. В его могучем механизме происходили порой какие-то сбои, но это было неизбежно. Из разных концов области то и дело раздавались звонки: задерживали людей по приметам, похожих на Коршунова. Порой хватало звонка, чтобы выяснить ошибку, а два-три раза приходилось гонять машину с кем-то из работников милиции города, знавших в лицо Коршунова. Перед людьми извинялись и отпускали. И хотя никто из нас не нашел кончика нити, за которую можно было вытянуть истину, информация накапливалась и накапливалась, и когда-нибудь эта гора информации должна вывести на след. Лейтенант Гнатюк, отрабатывающий связи Коршунова вылетел в Одессу, где народный суд когда-то присудил шестнадцатилетнего Коршунова к трем годам лишения свободы за грабеж. В архивах суда, милиции, прокуратуры он должен был собрать всю информацию о связях Коршунова, его «подельниках», дружках по лагерю, родственниках, врагах. Хоть и поздно, но тщательно и досконально Гнатюк должен был расшифровать краткую запись в деле бывшего инспектора Коршунова: «судим по статье... освобожден досрочно за образцовое поведение».

Оперативная группа Алеши Петрова обходила и опрашивала всех известных нам знакомых Коршунова. Две группы объезжали столовые, рестораны, кафе, закусочные – Коршунову надо что-то есть. Все продовольственные магазины тоже под контролем – с руководством их провели тщательный инструктаж. Посты ГАИ, общественные автоинспекторы, усиленные всеми подразделениями патрульно-дорожной службы, круглосуточно стерегли все дороги из города, включая проселочные.

Машина розыска заработала на полную мощность. И она обязательно должна была настигнуть преступника. Только вот вопрос: когда? Каждый час его на свободе мог обернуться новой трагедией. Об этом мы знали, боялись этого и ждали.

В 19 часов 30 минут в управление внутренних дел поступило сообщение. В сарае дома № 6 по улице Севастопольской обнаружен труп мужчины примерно пятидесяти лет.

Дом на улице Севастопольской № 6 примыкал к дому Вайсмана. Мы уже не сомневались, что убитый – Михеев. Так оно и оказалось. Пророчество Козлова сбылось. Коршун рубил концы.

Да, мы понимали, разные есть среди нас люди: талантливые и бездарные, умные и глупые, творческие и чиновники, беззаветные и оглядистые, но для всех нас одно свято – честь милицейского мундира. А Коршун растоптал эту чесу втоптал ее в грязь, став на одну доску с самыми гнусными преступниками. И то, что мы не сумели разглядеть в нем негодяя, корыстолюбца, в том, что мы только пытались опровергнуть его сомнительные сентенции, не видя за ними его черной философии, его подлого нутра, — это нас мучало и вроде бы давало право на наш особый к нему счет, личный и беспощадный. Ибо то, что мы жили в одном с ним доме, сидели в одной комнате – в глазах других делало нас если и не друзьями, то товарищами его, И мы ведь, действительно, стремились ими стать. Но спотыкались о черные камни его философии, и ударялись о них, и теряли желание духовного общения. И его не могло быть. Ибо не только в разных взглядах на жизнь была суть нашей духовной разобщенности. Просто встретились два противоположных мировоззрения. Но это, к сожалению, я понял только теперь, когда он ударил в спину. И слова Лапиньша о том, что именно мы, работники городского розыска, должны его взять и покарать, совсем не показались мне неправильными, и обращение Алеши Петрова за поддержкой меня впервые не тронуло. Да, по форме Алеша прав, но по сути, чисто человеческой, пусть и немного эгоистичной, я жаждал личного спроса с Коршуна, личного и беспощадного.

Конечно, в мыслях он себя ставил выше нас, этот самовлюбленный бандит, хладнокровный и хитрый, ибо он считал доброту – пороком, интеллигентность – признаком слабости, а отсутствие наглости – нерешительностью. Как все преступники, он переоценивал себя, считая, что кладет нас на лопатки в принципиальных спорах. Ему даже в голову не приходило, что нам было просто противно опровергать его самоуверенную галиматью, начетническую демагогию, он не мог даже помыслить, что мы, не сговариваясь, считали: спорить с ним – это значит опуститься до его уровня, признать, что он нам духовно равен. Мы бы с ним охотно спорили, если бы речь шла об определенных фактах и явлениях жизни, где легко пересечься многим мнениям и понятиям. Но он вел свои монологи провокационно, с изворотливостью гадюки уходя от оценок и выводов. Этих монологов требовала его преступная душа, требовала, потому что он долгие годы сидел в засаде, чтобы смертельно ужалить и снова забиться в нору, напившись крови. Вынужденное бездействие, невозможность гадить и кусать не давали ему покоя, и эти его провокационные монологи хоть немного облегчали ему душу, давали иллюзию превосходства.

Как горько нам было с Алешей, что поняли мы это только сейчас, когда зверь вылез из норы и пасть его обагрилась кровью. Мы не раз возвращались к этому в дни поиска, анализировали свое поведение скрупулезно и беспощадно и понимали: нет, не давал хитрый Коршун повода для того, рассказать о его монологах Орехову. Над нами бы только посмеялись, отнеся наши подозрения на счет того, что Коршунов прилюдно всегда нас задевал, подсмеивался над нами, давал нам почувствовать свое превосходство. И сколько бы мы не занимались самокопанием – это выглядело только так – мстительно, мелочно, не достойно взрослых людей.

Даже Козлов, требуя, чтоб мы до мельчайших подробностей вспомнили все монологи Коршунова – он пытался и из них выудить хоть какую-нибудь информацию, – так вот, даже Козлов ни разу не упрекнул нас за то, что мы не доложили о провокационных коршуновских беседах.

Что было у нас с Алешей за душой? Школа, армия, университет, комсомол. Какие были тылы? У меня – мать и сестренка, у Леши – отец и мать. Мы были для них все на земле. Все. Утро и ночь. Хлеб и вода. Жизнь и смерть. Мы это понимали. Но не было для нас в эти дни чувства сильнее ненависти. Мы понимали, что нашлись бы миллионы умных людей, которые бы нам умно объяснили, что это недостойно советского человека, и мы бы разумом с ним соглашались, но нашим сердцам ничего нельзя было объяснить. И каждый из нас в дни, не задумываясь, отдал бы жизнь, чтобы взять Коршуна, увидеть в его глазах страх неотвратимого возмездия.

— Наше счастье, что мы с тобой под утро уснули. Он все понял и ушел. Если бы он хоть на секунду засомневался в том, что мы спим, – он бы застрелил нас прямо в постелях, – сказал Алеша, когда мы возвращались домой на исходе этого тяжелейшего в нашей жизни дня.

Я всегда удивлялся, как он умел буквально читать мои мысли. В эти мгновения я думал именно о том, что Коршунов нас бы не пощадил, если бы не был уверен, что мы спим. Он и так бы нас пощадил, ибо мы были с Лешей – тот другой мир, который Коршун ненавидел лютой, звериной ненавистью. Но он был расчетлив. И в смертельной игре исключал любой риск.

Положив пистолеты под подушки – Коршун унес один из ключей от квартиры, – мы, несмотря на тяжкий день, мгновенно уснули. Не знаю, к Алеше, но мне ничего не снилось. Рухнула на глаза темнота и закрыла их до утра. А с первым со солнечным лучом мы были на ногах. Предстоял менее тяжелый день.

Машина розыска набирала обороты. На ежедневных совещаниях у Козлова, несмотря на его неизменное «не густо», крупницы информации отсеивались от тонн шлама. Крупинка к крупинке – и вот уже потянулись невидимые глазу нити, которые указывали нам путь к Коршунову. Затейкин и Старков вывели нас на продавщицу Нюрку. Нюрка дала первую ниточку – Сергея Букшу, проводника поездов. Его поведение было подозрительным. Собирался чинить гараж, завез раствор – и вдруг неизвестно куда укатил. А ведь Нюрка назвала Коршунову именно его, Букшу, как человека, имеющего машину. И Коршун мог действовать от ее имени. Использовать машину.

Алеша Петров нашел дом, где прятался убийца. И это дало крупницу информации. Коршун был без чемоданов, портфелей, рюкзаков. Значит, награбленное оставалось в городе. Значит, он решил залечь на дно, пока утихнут волны розыска.

И третье. Расследуя обстоятельства убийства Михеева, я дотошно расспрашивал соседей о нем, его образе жизни. Михеев был одинок. Но жил не так замкнуто, как Вайсман. И у него была слабость – любил выпить. Мне удалось выяснить, что Михеев как-то проговорился своему единственному собутыльнику – врачу санэпидстанции Голощанову, что у него, как он выразился, для «заката жизни» на берегу моря построена двухкомнатная дача. Это тоже была ценная информация. Никаких ключей, кроме как от гаража и квартиры, у Михеева в карманах и в комнате обнаружено не было. Ими мог воспользоваться Коршунов, выпытав у

Михеева, что о даче никто не знает. Эти сведения я добыл где-то в десять вечера, доложил о них в Управление, но выяснить адрес дачи предстояло утром. В семь утра я позвонил Лапинушу. Трубку долго не поднимали. Где-то через минуту, хотя я и успел только «алокнуть», сонный голос Лапинуша загудел в мембрану:

– Ну чего тебе, Куренков, не спится. Насчет дачи Михеева отданы распоряжения. Выясняют. Созана и оперативная группа по даче, возглавляет группу майор Пьянков из Лазурного. Так что ты свое дело сделал. Для тебя планируется особое задание. Будь в восемь тридцать у меня на оперативке. С Петровым. Все.

В трубке клацнуло и зачастила морзянка коротких гудков.

Сегодня вечером мы с Алешей Петровым должны были выехать на побережье и отработать версию: Коршун выскользнул к морю на машине Букши. Мы должны были выехать еще вчера, я нас задержали в связи с убийством Михеева. Людей не хватало, несмотря на то, что в розыск включились все оперативные силы города и прибрежных районов. Но у них было задание перекрыть пути отхода и при случае задержать. У нас – найти. Осмыслить всю информацию и найти. На каждый малейший фактик взглянуть своим, а не чужим взглядом и дать ему свою оценку.

Последнее напутствие нам с Лешей давал сам Козлов:

— Я вам говорил – главное кемпинги, дома отдыха, гостиницы. Проверьте все книги регистрации. Но на это особо не надейтесь. Вряд ли он будет оформляться по своим документам. Налегайте на фото. Предъявляйте не только администрации – дежурным по этажам, горничным, официанткам. Разъезжайте по пляжам – машину, старенький «Запорожец», вам уже приготовили в Лазурном. Смотрите во все глаза. Постоянно заглядывайте в рестораны, кафе, всякие там пельменные и чебуречные. Люди на побережье работают, а вы должны скоординировать, придать железную схему поиску. Держите связь с начальником уголовного розыска Лазурного капитаном Дзюбой. Он в курсе задания и обеспечит вам любую необходимую помощь. Каждый день вечером звоните мне или Лапинушу.

— Ну, а если хоть что-то новенькое – то, сами понимаете, немедленно, – добавил присутствующий при инструктаже начальник уголовного розыска. – И вот еще что. У квартирного бюро вертятся всякие тетки и бабки – выискивают жильцов. Потолкаетесь там, порасспрашивайте, фото покажите остороженько. Придумайте что-нибудь, друга, мол, ищем, или брата, или свата, в общем, поняли?

— Ясно, товарищ майор.

– Ну, а если ясно – действуйте. Оформляйте командировку – приказ подписан – и в дорогу. И главное – не зарывайтесь. Без всяких штучек. Обнаружите – требуйте помощь. Обложите, как медведя, – и тогда брать! Ну, счастливо, – сказал Козлов и, пожав нам руки, легонько подтолкнул к выходу. – Горите, небось, желанием свидеться с дружкой?! Соскучились, поди?

И он первый раз за эти тяжелые три дня улыбнулся.

– Ну, ничего, свидитесь. Чую всем нутром, очень скоро свидитесь.

Да, все эти три дня наши мысли были только о нем, о Коршуне. Мы старались о нем не говорить, а если уж и говорили, то в рамках задания, но думали, думали только о нем. Интересно, что в течение суток в уголовном розыске фамилия Коршунов

трансформировалась в Коршун. И в этом не было ничего удивительного. И хотя трансформировалась она подсознательно – налицо был факт: Коршунов стал преступником. А с преступником неразлучна и кличка. Даже Козлов, незаметно для себя, стал его называть именно так.

Да, мы с Алешей старались не говорить о Коршуне, но знали, что каждый из нас только о нем и думает. Понять это было легко и просто. Вот и сейчас Алеша, осунувшийся и сосредоточенный, говорил о проигрыше его любимой футбольной команды «Спартак». И вдруг в разгар сетований на неправильное судейство, не делая никаких пауз, спросил:

– Слушай, а не смог ли он раздобыть себе второй паспорт? Такому прохиндею это просто.

Точно так подумал и я. И мы, понимая друг, замолкали, старались перевести разговор на темы, близкие нам обоим. Мы были довольны заданием. Мы жаждали быть в центре поиска, чтоб выйти первыми на Коршуна, и нам казалось, что мы сейчас на пути к нему. Мы, конечно, понимали, что в этот момент, как и все трое прошедших суток, железный гребень розыска прочесывал город и его пригороды, улица за улицей, дом за домом, понимали и то, что этот поиск мог дать результат в любое мгновение, но в сердцах все равно яростно бушевала надежда, что из десятков, из сотен людей, идущих по следу Коршуна, мы первые выйдем на него и возьмем его за горло, чтоб людно покарать за его злодеяния по всей строгости закона.

В аэропорту нас встретил начальник уголовного розыска Лазурного капитан Дзюба, худой, черный, как грач, в отлично сшитом бежевом костюме. Весело, порывисто пожав нам руки, он сообщил:

— Вас срочно разыскивает Лапинец, немедленно позвонить.

— Что случилось? – встревожился я. – Два часа, как расстались. Может, Коршуна взяли?

— Да нет. Другое, впрочем, через двадцать минут сами узнаете. Переговорите, пообедаем, а потом я вас отведу к одной тихой старушке, у которой вы и остановитесь. Комната для вас приготовлена. Думаю, это будет лучше, чем в гостинице. Шумно там, а вам тишина нужна.

— Да нам, собственно, безразлично, — равнодушно сказал Алеша. – Нам лишь бы голову приклонить...

— Обижаешь нас, Петров, – насупился Дзюба. – Мы – народ гостеприимный. Сделаем все, как надо...

В неожиданно просторном кабинете Дзюбы – куда просторнее, чем у Лапинеца, – нас ждал чайс бутербродами и могучий меланхоличный лейтенант с огромными, как усы, бровями, прикрывающими синие, добрые глаза.

— Цыпкало Виктор, – басом гукнул лейтенант осторожно сжимая нам руки. – Пристроен до вас для связи и оказания всякого содействия.

— Он у нас двухпудовой гирей крестится, гордо, по-петушиному выгнув узкую грудь, сообщил Дзюба. – Так что располагайте...

— А зачем нам креститься гирей, – неудачно пошутил я, – и тут же наткнулся на горячий обиженный взгляд начальника уголовного розыска.

– А затем, что он один пятерых скрутить в бараний рог может. Вот зачем. А еще затем... К счастью, зазвонил телефон. Нас соединили с Приморском. Новости, которые сообщил нам Лапиньш, были действительно важные.

– Слушайте, ребята, внимательно. Вопросы – в конце. Буквально, как вы взлетели, к нам доставили Букшу. Действительно, позавчера, то есть через день после того, как Коршуна упустили у Нюрки Затейкин и Старков, – напомнил педантичный Лапиньш, – так вот через день в четыре утра к нему заявился человек якобы от Нюркиного мужа и, предложив триста рублей, попросил немедленно доставить его в любой поселок на побережье. Притом по проселочной дороге, там, где, как он выразился, не может быть милиции. Букша согласился и предложил ехать через село Казачку, в объезд. Так они и поехали. На шестидесятом километре, у села Казачка, не проехав и трети пути, на пересечении с другой проселочной дорогой, заметили далеко впереди патрульный мотоцикл ГАИ. Мужчина приказал Букше остановиться, тут же, сказав: «Я выйду, а ты проезжай за патруль, так с полтора-два километра, и, если все спокойно – жди меня. Я обойду их стороной и поеду дальше. Если не приду – езжай на побережье и обязательно там пробудь два дня. Только обязательно. И дал Букше на расходы еще 75 рублей. Патруль ГАИ остановил Букшу, проверил документы и пропустил. Букша проехал два километра и остановился. Ждал два часа, но мужчина к машине так и не пришел. Тогда он двинулся дальше и пробыл в поселке Тихом на берегу моря два дня. Теперь, ребята, слушайте внимательно. По приметам, сообщенным Букшей, это Коршун. Но одна важная деталь: Букша утверждает, что мужчина был русский. Обратите на это внимание, когда будете предъявлять людям фото Коршуна для опознания. У него парик, а может, и не один. Имейте это в виду.

Теперь второе: один из вас сегодня же сгоняет в Тихий и проверит, действительно ли Букша был там эти два дня. Он утверждает, что спал в машине, которая двое суток стояла примерно в трехстах метрах от моря на площадке около спортзала. Машина кофейного цвета 17—91 МСТ. У меня все, не ясно?

— А что в районе села Казачка?

— Пусть это вас не волнует. Туда уже выехала оперативная группа.

— Что еще?

— Есть ли смысл нам здесь оставаться? Ясно, что он к морю не прорвался.

— Задание вам не отменяется, – посуровел Лапиньш, отчего явственней зазвучал его акцент.

— Не наше дело гадать на кофейной гуще. – Я, например, не исключаю, что он мог, вопреки нашей с вами логике, – он нажал на слова «нашей с вами», – пойти к побережью. Так что действуйте, как вам приказано. И ни на секунду не расслабляться. Что еще у вас?

Я глянул на Алешу, держащего в руке второй аппарат. Он пожал плечами:

— У нас все, товарищ майор. Вечером доложим...

Не успел я договорить фразы, как послышались короткие гудки. Начальник уголовного розыска не тратил лишних слов на пожелания удачи и прочие сантименты.

— Ты улавливаешь, зачем Коршуну понадобилось отправлять Букшу на два дня на побережье? – спросил меня Алеша, как только я положил трубку.

— Чтоб сбить нас со следа, если мы каким-то чудом выйдем на Букшу. Он знал, что мы будем допрашивать Нюрку, но надеялся, она была настолько пьяна, что вряд ли вспомнит, а если и вспомнит, то не придаст значения (так оно и было) его расспросам насчет друзей, имеющих машину. Но на всякий случай подстраховался. Ему на что-то нужны были эти два дня.

— Забрать награбленное или перепрятать. Вряд ли в горячке он свое богатство спрятал как следует. Теперь к нему он цепью прикован.

Устраиваться на квартиру Дзюба повел Алешу, а мы с Цыпкало – прямым ходом в Тихий. Действительно, метрах в трехстах от моря стоял ветхий баракообразный спортзал. На его площадке стояли два «москвича», а чуть поодаль старались переорать друг друга транзистор и магнитофон. Человек десять «дикарей» лет по двадцати культурно отдыхали. Две пары дергались босиком на траве под эту какофонию, две девушки спали, остальные играли в карты.

Вокруг валялись пустые бутылки из-под водки и вина, вспоротые банки консервов, куски хлеба, колбасы, сыра, промасленная бумага, пустые пачки от сигарет.

— Во дает подрастающее поколение! Аж дым идет, — шевельнул мышцами Цыпкало и добрые его глаза потемнели.

— Подожди, тезка. Давай сначала дело. Пойдем искать хозяина этого дворца.

Нехотя, ворча, как потревоженный в берлоге медведь, Цыпкало пошел за мной.

Двери спортзала были распахнуты настежь. Мы вошли и остановились, пораженные. Все что угодно ожидали увидеть, только не то, что открылось нашему взгляду. В тускло освещенном бараке, с чудом сохранившейся, хоть и изломанной шведской стенкой и одним баскетбольным щитом, стояло с десятков раскладушек, а на оставшемся месте, были в живописном беспорядке разбросаны борцовские маты, на которых лежали вещи.

— Оце да-а, – второй раз за пять минут удивился Цыпкало. – Ничего устроился. Каждая раскладушка – минимум рубль. Каждый мат – минимум два. А ну-ка, где этот домовладелец?

В зале было только четыре девушки при четырех огромных рюкзаках, расположившиеся на двух матах в дальнем углу. Девушки с любопытством уставились на нас, и одна из них, самая маленькая и самая полная, тут же спросила:

– Вы, товарищи, не из бюро экскурсий?

— Да нет, – поспешил ответить я, мы из вашего племени землепроходцев. Ищем, где бы сделать привал денька на два. Крышу, короче, ищем.

– Что, тоже палаток не досталось?

– Увы.

– А в прокат не пробовали?

– Куда там. Там уже люди в очереди состарились.

Девушка прыснула.

— Тут сегодня трое будут выезжать. Будите пана спортсмена – может, сговоритесь.

— Какого пана спортсмена? Тут прыснули все четверо.

— Да заведующего спортзалом. Вон, вид дверь, где написано «тренерская», там он отдыхает, – они чуть не задохнулись от смеха.

В грязной, забросанной окурками комнатке на железной кровати с вензелями, на голом матрасе спал огромный детина в спортивных брюках. Его могучая грудь,

заросшая рыжей шерстью, мерно и внушительно вздымалась и изрыгала через открытый рот львиное рычание.

— Во мастодонт ископаемый, – в третий раз удивился Цыпкало. – Ты только посмотри, что творится под носом у районного центра!

Он толкнул гиганта в плечо. Храп прекратился мгновенно. Через секунду открылся один глаз, через другую – второй. Через пяток – в них прорезалось сознание.

— Мест нет, – внятно произнес гигант, и нас окутало облаком свежего, хорошо настоенного на разных напитках, перегара.

— А нам и не надо, – сказал я. – Мы за тобой. Собирай вещички. Мы из уголовного розыска.

Я знал, что надо было его встряхнуть. Или ведро воды на голову, или вот так – быка за рога. Гигант неожиданно легко поднялся, осоловело, испуганно захлопал глазами и по-детски сказал:

— У меня брат – участковый.

— С братом разберутся, где следует и кому дует, а мы за тобой, – не давал я ему опомниться.

— Так я ж не виноват. Они лезут и лезут, просят, чуть не плачут. То дождь, то холод... Лез и лезут.

— Со своими раскладушками? – громыхнул Цыпкало. – Ты давай нам мозги не пудри, бизнесмен. Отвечать придется за все. Но это позже, а теперь быстро отвечать – стояла вчера и позавчера здесь машина «Жигули» кофейного цвета 17-91 МСТ?

— Стояла, – радостно взревел гигант, но я с него, паразита, и копейки не взял...

Делать здесь больше было нечего.

– Вот что, – внушительно сказал я. – Вот что, дорогой. Обо всех своих делах напишешь объяснительную на имя начальника райотдела милиции и завтра занесешь в приемную. А эту гостиницу чтоб прикрыл сегодня же. Вопросы есть?

– Нет вопросов. А что мне будет? – хлопнул рыжими ресницами верзила.

– Ну это не мы решаем, – отрезал я. И повторил на прощанье: – Так ты не забыл? Чтоб завтра, обязательно до десяти утра, твоя подробная объяснительная была в приемной начальника райотдела. Обязательно до десяти, ты понял?

Это непонятно пугающее и обязательно «до десяти» совсем доконало гиганта. Он с тоской покосился на пустые бутылки на подоконнике и обреченно сказал:

— Понял, гражданин начальник. А через пять минут «подростающее поколение» с магнитофоном и транзистором шустро ползало по траве, собирая мусор. Цыпкало величественно стоял над ними, как плантатор над рабами, и грозный взгляд его подхлестывал их усердие пуще любого бича.

17

Удрученный увиденным и услышанным, Цыпкало почти всю дорогу молчал. Он оказался не так прост, этот украинский богатырь. Его суждения по многим явлениям были неожиданны и глубоки, а за внешней грубоватостью слов скрывался пытливый ум. Мы уже подъезжали к Лазурному, когда он вдруг зло стукнул кулачищем по колену:

— Чтоб меня от вареников разорвало, я это дело так не оставлю! Пригрелся, кровосос, под крылышком брата – участкового. Разберемся и с тем и с другим, тезка. Я тебе это обещаю.

Он помолчал некоторое время, шевеля бровями-усами, а потом вдруг хмыкнул:

— Хочешь, я тебе анекдот расскажу? Недавно от одного писателя слышал.

– Давай, – согласился я, занятый своими мыслями.

– Так ты слушай. Сидит, значит, Илья Муромец в баре, коктейль через соломинку смакует и песню мурлычет. А рядом японец-каратист газетку читает. Читает и морщится, что Илья мешает ему вникнуть в международную политику.

— Замолчи, Илья, – говорит. – Ты мне мешаешь!

А Илья еще громче песню мурлычет. Японец-каратист вскочил:

— Я тебе говорю или не тебе? Замолчи, – и рыкает по-каратистски: хх-е!

А Илья Муромец тянет коктейль через соломинку и песню мурлычет, а на японца – ноль внимания.

Тогда японец страшно рыкнул – хх-е! – кричит:

— А ну пойдем, выйдем!

— Пойдем, – говорит Муромец и соломинку откладывает.

Вышли. Через десять секунд Илья возвращается. Бармен спрашивает:

— А где японец?

— Не знаю. Применил он прием каратэ, а я отмахнулся. Летит где-то. Правда, низко над землей. Наверное, это к плохой погоде.

И Цыпкало заразительно загрохотал во весь голос.

— Ну как?

— Да ничего, – уклончиво ответил я.

— А вот мне нравится, — задумчиво проговорил Цыпкало. – Понимаешь, тезка, чем нравится, победой исконных и истинных человеческих ценностей над искусственными. Тебе не кажется, что вот это истинное, настоящее в человеке как-то в последнее время стало отходить на второй план. Что ценилось в человеке еще какой-то десяток лет назад, что было престижно? Сила, ум, честность. А сейчас? Вместо силы – каратэ, вместо ума – изворотливость, вместо честности – добычливость. Не тот в чести, кто силен и умен, а кто умеет вертеться, достать, устроить, кто в джинсы и дубленки умеет одеть всю семью, от грудных младенцев до дряхлых бабушек. Что, не так, тезка? Истинные ценности как-то слиняли. Ты посмотрел на этих юнцов, двадцатилетних оболтусов? Ведь машины-то у них собственные, я документы смотрел. В двадцать лет – машины! Откуда у них деньги на коньяк, водку, девочек? Плохие родители? Неразумные? Нет, Куренков, все не так просто. Тут где-то все мы, все наше общество в глубинке просмотрели. Страшно ведь не только то, что эти здоровенные балбесы привыкли жить на всем готовеньком. Гораздо страшнее другое – на их развеселую жизнь смотрят их сверстники, у которых нет пап и мам, могущих им обеспечить такое же сладкое существование. Вот смотрит-смотрит на них простой рабочий паренек и иной раз подумает; красиво живут, черти. Девочки, вино, уик-энды на природе, музыка и цветы. Да я всю жизнь буду горбатиться – и такой жизни не заработаю! Раз так подумает, два – и начинает ловчить, искать работенку попрестижнее. А что значит «престижнее» сейчас? Давай скобки раскроем. Это, значит, там работать, где легче урвать кусок пожирней. Вот в чем опасность, которую мы не желаем замечать.

– Ну так уж и не желаем, – возразил я, в глубине души очень во многом соглашаясь с Цыпкало. – Замечаем. И пишем, и фильмы показываем. А БАМ?

— Вот-вот. Это и есть наш главный аргумент: а БАМ? А я – встречно: а эти юнцы с машинами? Что их, десять, двадцать, тысяча? Да нет, тезка, поболее... БАМ – это не аргумент. Это оправдание. Оправдание нашей близорукости, которую нам же с тобой завтра придется расхлебывать.

Мы уже подъезжали к зданию милиции. Я хлопнул Цыпкало по цементному плечу.

— Не сгущай, лейтенант. Не сгущай. Не так уж все мрачно.

— Это точно, – неожиданно легко согласился Цыпкало и начал выбираться из машины так, что она вся застонала, заскрежетала и заохала.

– Это точно. Сгущаю. Чтоб меня от вареников разорвало!

До самой темноты мы мотались с Алешей по гостиницам побережья, кемпингам, ресторанам и пельменным, предъявляя фотографии Коршуна буфетчикам и администраторам, горничным и официанткам. Мы не очень надеялись на удачу, но где-то в глубине души у каждого брезжила искорка надежды выйти на след преступника. Мы почти не надеялись на удачу, но неудача нас все-таки очень расстроила.

Доложив Лапинушу о результатах первого дня, о поездке в Тихий, выслушав еще несколько заботливых советов, мы отправились спать. Шли пешком. Лазурный, подковой вытянувшийся вдоль моря, был ночью по-домашнему уютным и спокойным. Отгрохотали канонады ресторанных оркестров, умчались с танцплощадки табуны длинноногих «дикарок», покойно вытянули натруженные ноги официантки, и город отдался во власть покоя. Только со стороны пляжа еле слышно неслась песня неугомонных туристов, да какой-нибудь припозднившийся пьяный рисовал по мостовой узоры, сосредоточенно и целенаправленно держа курс к постели.

Один из них подошел к нам и грустно спросил:

— Закурить не найдется, товарищи?

— Не курим, – ответил я.

Пьяный взял меня за ремень и проникновенно сказал:

— И не курим, и не пьем, и здоровеньким помрем.

Я осторожно отлепил его от себя, повернул в той направлении, в котором он шел, и легким толчком вернул ему затраченную на остановку и беседу с нами энергию.

Совсем не хотелось спать.

— Может, побродим? К морю ходим, подышим соленым воздухом? – спросил Алеша.

— А бабка пустит нас домой? – усомнился я.

— Пустит. С ней оговорено. И ключ вот у меня... Я не знаю, почему ночное море навевает на меня какую-то невыразимую нежную печаль. Миллионы раз поэты писали вроде бы банальную фразу: море шепчет. А ведь лучше не скажешь, именно шепчет. И чудится в этом шепоте именно то, о чем мечтаешь, чем страдаешь, о чем хочешь узнать.

Наверное, с полчаса мы не проронили ни слова! Уходить совсем не хотелось, и думать не хотелось, а только слушать и слушать исповедь собственной души.

За эти трое мучительно тянувшихся суток мы с Алешей ни разу не заговорили о Коршунове, кроме тех случаев, когда дело касалось розыска. Делали мы это не сговариваясь, ибо ненависть к нему мешала нам мыслить и анализировать, она вытекла из каждой клеточки нашего тела, сгустилась в горячий робкий кусочек гранита, и ушла в глубь нас, не давая думать ни о чем другом. Возвращаясь с моря, мы впервые заговорили о Коршуне. Я начал этот разговор я.

– Ты не раз мне говорил, Леша, что Коршунов.., Коршун, – поправился я, – что Коршун – личность незаурядная, но примитивная. И объяснил это так: его способности, с одной стороны, от природы, а с другой – до предела развитые, почти нечеловеческие инстинкты, вернее, продолжение их до неведомой разуму точки. Его положительные качества – смелость, находчивость, хладнокровие, если бы он применял их во имя добра, истины. Но патологическое самомнение, самомнение примитивного человека, настоянное на верхоглядстве и начетничестве, уверенность в превосходстве над людьми, в своей исключительности перечеркивают все его положительные качества. Ты мог поверить, что свою смелость, находчивость, хладнокровие он когда-нибудь употребит вот так, как сейчас?

— Нет, что ты, я просто не верил, что человек с таким самомнением, с такой философией личной исключительности, превосходства над всеми употребит свои хорошие качества во имя справедливости. Я был уверен, что он их использует в личных целях, во имя собственной карьеры. Я был убежден, что он сможет закрыть глаза на зло, если это ему выгодно, и растоптать добро, если оно ему мешает выдвинуться, отличиться, добиться своей цели.

Он остановился.

— Ведь только его самомнение, уверенность в своем превосходстве над нами толкнули его на этот кровавый спектакль в лесу. Спектакль, в котором он наделал множество ошибок, давших нам след, который все равно приведет к нему. Если б он не верил в свою исключительность — он бы просто убил Вайсмана и Михеева, забрал бы драгоценности и ушел. Мы бы вышли на него, безусловно. Но это было бы не так просто. Смотался бы он за несколько часов в любой город, к примеру, дал бы телеграмму, что заболел, а пока бы мы отработывали разные пустые версии, спокойно укатил бы на край света.

Но нет. Он ведь сверхчеловек! Он исключительный. Он хотел доказать нам, а еще больше себе, что он, Коршун, может посмеяться над нами, обвести вокруг пальца. Ты понимаешь, его натура не позволяла действовать просто и надежно. Он, Коршун, превыше Петровых и Ореховых! Он загадает нам такую загадку, что не по зубам каким-то Куренковым и Лапinyшам. Это не ново, Витя. Ты же сам знаешь, что есть такие преступники, которым мало совершить преступление. Им надо, чтобы ими восхищались. Им надо чувствовать, что они не жалкие преступники, а личности, сильные, исключительные. Коршун именно таков.

Ночами, после наших бесед, после его монологов, когда он чувствовал, что мы в душе смеемся над его демагогией, он уже вынашивал свой дьявольский план, который, как он думал, нас потрясет. План, в котором он нам подсунет настолько неопровержимые улики, что мы, темные, схватимся за них, предвкушая благодарности, и посадим в тюрьму невинных людей. Я, как будто был всему свидетель, вижу до деталей весь этот спектакль. Не знаю, как, быстрее всего шантажом, он заманил Вайсмана и Михеева в лес к определенному часу.

— Но как, Алеша, как?

— Говорю ж тебе, что не знаю. Может, угрозами, что раскроет их прошлое, что привлечет к ответственности за подделку трудовых книжек и паспортов, где нет отметки о судимостях, может, как-то иначе, но повод, видимо, был такой – взятка за то, чтоб он молчал.

Прибыв заранее в лес, он высмотрел — это несложно — подходящего пьяницу, напоил его, «засветил» у костра, чтоб люди его запомнили — меня, мол, друг, обидели, иди защити, я тебе еще поднесу. Потом привлек к нему внимание дружинников. И дело – было сделано. Осталось влить в Сорокина в укромном месте еще полбутылки водки – и тот свалился замертво.

Вот с убийством есть маленькая неясность. Или они с Михеевым убили Вайсмана и ловко инсценировали покушение на Михеева, или действительно Коршун хотел прихлопнуть и второго, но что-то его спугнуло. Но это, как говорится, детали. Дальше – пустяк. Подложить в карман мертвецки пьяного Сорокина часы Вайсмана, вывести на него дружинников – и убийца готов – Сорокин.

Ах, как, видимо, доволен был собой Коршун. Уверенность в своем превосходстве, в том, что мы жадно схватим наживку, настолько была сильна, что он не заметил, сколько наворотил ошибок. Или не желал замечать. Ты сам знаешь, что это за ошибки. Засвечивая мнимого убийцу, он засветил и себя. И сам Сорокин, и дружинники дали его приметы!

Он не успел насладиться своим триумфом. Уже на оперативке сразу же после убийства он своим звериным чутьем почувствовал, что не все схватили его хитроумную наживку, а через сутки, когда я вернулся из Лазурного, он уже твердо знал, что раскрыт. И начал действовать. Если б я придержал свой язык на кухне – да кто ж предполагал, что этот зверюга не спит – утром, а может, еще и ночью, я бы связал все звенья – и ему бы был конец. Но он везуч, везуч, сволочь, ничего не скажешь.

Он снова остановился и сжал кулаки. Черты его лица заострились – и он мне показался чужим и даже незнакомым – так боль и ненависть исказили его лицо.

В нашем домике горел свет. Едва мы открыли Дверь, как услышали голос Дзюбы:

— Хороши, голубчики. Я уже собирался объявлять на вас местный розыск. Нашли время гулять. Два часа вас жду. Пять стаканов чая выпил.

Он стремительно, как и все, что делал, пожал нам руки и сообщил:

— Звонил Лапиньш. На автобусной остановке вечером в Приморске дружинники опознали Коршуна. Он был с рюкзаком и портфелем. Значит, собирается улететь. Нервишки не выдерживают.

— Так что, ушел?

— Ушел, – порывисто вздохнул Дзюба – Ушел. Дружинники разделились. Одни, как их инструктировали, помчались искать в административный корпус кого-нибудь из опергруппы, а другие продолжали следить за Коршуном. Но делали это так неумело, что тот их «вычислил» и без труда за потерялся в толпе. Уже через двадцать минут автобусную станцию оцепили – но Коршуна и след простыл.

— А сколько было дружинников, – спросил я.

— Четверо, – ответил Дзюба. – Но ты это брось! – понял он мои мысли. – Коршун вооружен. При инструктаже дружинникам категорически запрещались самостоятельные действия. Это наше с вами дело – идти под пули. За это зарплату

получаем... В общем, приказ такой. Повышенная бдительность. Коршун пошел на прорыв. Мы здесь привели свои силы в состояние боевой готовности! Такой же приказ и вам.

В шесть тридцать утра мы уже были на ногах. Пробежка к морю, заплыв, завтрак – и совет. Как-то незаметно получилось, что во всех наших делах роль руководителя перешла к Алеше. Еще несколько лет назад по инерции моего школьного лидерства эту роль играл я. И ни я, ни сам Алеша не заметили, когда все поменялось местами. Как-то исподволь, изнутри происходил этот процесс, не задевая и не обижая меня, хотя бы потому, что, повторяю, я его не заметил.

Вот и сейчас, за столом, на котором еще стояли стаканы с кофе, я выжидательно смотрел на Алешу, гадая, какое решение он примет.

— Вот что, Витя, действовать будем так, – решительно сказал Алеша. – Все, что мы проверили – пройдем по второму кругу. Все. Кемпинги и столовые, гостиницы и закусочные, квартирное бюро и палаточные городки. Все проверим, – и сегодня, и, если надо будет, завтра и послезавтра. Он мог уже вынырнуть здесь. Мог. В помощь нам, именно для розыска, придано еще три местных сотрудника милиции. Они тут где надо порасспрашивают, посмотрят. А нам с тобой надо разделиться. Так будет рациональнее, – мягко улыбнулся Алеша, увидев тень недовольной гримасы на моем лице. – Больше успеем, Витя. Ты знаешь, – вдруг страстно, непохоже на себя заговорил он, – я почему-то думаю, что Коршун пойдет сюда. Здесь десятки тысяч людей, тысячи машин. Тут сложно проверить каждого, – подумает он. Не будут же ставить шлагбаум и создавать пробки. Отсюда ему легче будет скрыться. Ведь в городе все перекрыто. Тогда он – только сюда. Это его последний шанс.

19

Утро восемнадцатого июля всходило над морем с неохотой и печально. Небо, затянутое неприветливыми по-осеннему тучами, давило на землю, съедало горизонт и сыпало мелкой противной моросью. Одинок и сиротливо качались на волнах пассажирские катера, с тупой обреченностью тыкаясь в безлюдные причалы. Приунывшие «дикари» толпились в столовых и кафе, терпеливо дожидаясь своей очереди. Унынье текло по улицам к морю, вместе с окурками и обертками от мороженого. Просто поразительно, как меняла непогода лик города. Будто могучий и злой волшебник брал город целиком с его домами и причалами и переносил из сказочной страны веселья и радости в страну уныния и скуки. Минуты текли, как часы, часы – как вечность.

И только коренные горожане жили в своем обычном ритме и настроении, не обращая внимания на выходки погоды.

Мы с Алешей в данном случае были коренными горожанами, ибо находились на работе, и атмосферные явления волновали нас только в том плане – помешают они нам или нет хорошо делать свое дело. Правда, настроение у нас было неважное, но погода здесь была ни при чем. Просто вчерашний день канул в Лету, не принеся нам никаких результатов, а это значит, – сегодня нам снова идти по осточертевшему кругу, снова отвлекать от работы раздраженных многолюдьем представителей сферы обслуживания. И так круг за кругом, час за часом. Это была нелегкая, смею сказать, изнурительная работа, ибо мы прочесывали курортное побережье в

пиджаках, под которыми прятали совсем не лишнее в предстоящей схватке с Коршуновым – оружие. Наши лица загорели, а тела были молочно-белы, потому что и по пляжам мы разгуливали в пиджаках, сопровождаемые перемигиваниями мужчин и сочувственным хихиканьем женщин. Сегодня мы шли по третьему кругу, договорившись встретиться в два часа дня в ресторане «Прибой», а потом – пойти проверять санатории.

— Посмотрите, пожалуйста, внимательно на эту фотографию. В вашем кемпинге не появлялся этот человек?

— Не появлялся.

— Но вы внимательно, прошу вас, посмотрит» это очень важно.

— Нет, не видела, не знаю, простите, спешу.

Через десять минут:

— Посмотрите, пожалуйста, внимательно на эту фотографию. В вашей столовой не появлялся этот человек?

— Не появлялся.

— Но вы даже и не посмотрели. Это очень важно!

— Да боже мой. У меня их тысячи в день появлялись. Постройте их в шеренгу – ни одного на узнаю. Вы что не видите, что творится?!

— Вижу. Спасибо. Извините.

Час за часом. Круг за кругом. Где-то к одиннадцати кто-то большой и сильный сдул с неба осенние облака, и оно девственно засинело, и солнце, будто стараясь отработать за те часы, что бездельничало, врубило все свои рубильники – и я стал испаряться.

Вид у меня был, наверное, мягко говоря странноватый. Отсыревший от мороси мятый пиджак добросовестно парил под палящим солнцем, будто у меня за пазухой была кастрюля с кипящим супом. Люди на меня откровенно оборачивались, и я не раз выслушивал советы насчет того, что надо бы пиджак снять и просушить, или, на худой конец, повесить на руку.

— Посмотрите, пожалуйста, внимательно...

В два я был в ресторане «Прибой» – красе и гордости лазурновской индустрии питания. Швейцар примостившийся с газетой у пыльной кадки с пальмой, подозрительно зыркнул на меня многоопытным своим оком, но ничего не сказал, либо не желая отрываться от международных событий, либо давно махнув рукой на постоянные нарушения ресторанный этикета в пляжный сезон.

Алеша уже был здесь. Он блаженно тянул холодное пиво и, увидев меня, самодовольно спросил:

— Паришь?

— А ты? – отпарировал я, увидев его не менее мятый и жалкий пиджак.

— А я уже испарился. Шел сюда через городской пляж...

Мы заказали по крошке и шашлыку. Ни я, ни Алеша ни о чем друг друга не спрашивали. Все было ясно без слов. Алеша плеснул мне в фужер остатки своего пива и я цедил его, наблюдая, как мой друг воровато перекладывает пистолет из внутреннего кармана пиджака в боковой. Проделав эту сложную операцию, он снял его и повесил позади себя на стул, облегченно распрямив широкие плечи.

Я проделал то же самое и стал любоваться своим другом. Я любил его нежной любовью одинокого человека, не познавшего до таких вот преклонных лет – боже,

уже под тридцать! – чувства сильнее чувства дружбы. Было несколько стремительных, захватывающих увлечений, заканчивающихся утренним раскаянием и стыдом, но ничего более.

Он был по-настоящему красив, мой друг Алеша. Не утонченной красотой киноактера, а внутренней, мужественной красотой сильного и надежного человека, который не оставит товарища в беде и защитит обиженного. Его спокойный взгляд доброжелательно перебегал с предмета на предмет и возвращался ко мне – и мягко лучился теплотой.

— Однако они не торопятся, – сказал я, глянув на часы. – Уже тридцать минут, как взяли заказ.

— В ресторане можно тянуть резину до сорока пяти минут – я где-то слышал, – успокоил меня Алеша, – За это здесь наценку берут.

Мы одновременно улыбнулись, и многократно обостренное чувство счастья как будто бы встряхнуло меня впервые за эти дни, сняв адское напряжение погони.

— Ты знаешь, этот твой поселок Тихий все чаще и чаще приходит мне на ум.

Больно уж условия там благоприятные, в этом спортзале для того, чтобы раствориться среди отдыхающих до удобного случая. Ни документов тебе, ни коридорных...

— Там глухо, Алеша. Мы там так напугали «домовладельца», что он родную мать в спортзал не пустит.

— А вот мне не дает покоя этот самый спортзал. И ты меня знаешь — пока не посмотрю — не успокоюсь. Давай так, все равно мы собрались проверять санатории вблизи Тихого. Ты поедешь, начнешь, а я чуть позже подключусь. Выбросите меня в Тихом — и шуруйте дальше... Решено?

— Как хочешь, — недовольно ответил я и взялся за окрошку, которую нам наконец принесли.

Расплатиться оказалось делом не менее сложным, чем заказать. Официант навеки канул в чреве кухни, и дозваться его было практически невозможно. Когда мы уже откровенно надоели метрдотелю, откуда-то, чуть ли не из стены, вывернулся официант и деловито сообщил:

— Десять рублей, — не утруждая себя даже простейшими арифметическими действиями.

В три нас ждала машина. Мы, конечно, опоздали и выслушали от Дзюбы, подозрительно принявшего к свежему запаху пива и шашлыков, его традиционный вопрос:

— Где вы гуляете?

И такое же традиционное продолжение:

— Мы на вас тут розыск собрались объявлять. Новостей не было. Мы оставили координаты, где нас следует искать в случае каких-то срочных дел, уселись в машину и двинулись в путь. До Тихого было с полчаса езды — и вскоре Алеша вышел, рассеянно помахал мне рукой и ушел вниз к морю по улице, которая вскоре будет названа его именем.

Сколько бы ни прокручивала мне память эти кадры, они для меня навсегда остались живыми, сегодняшними, сиюминутными. Вот он, мой друг Алеша, уходит вниз по улице, помахав мне рукой, Сходит навсегда от меня, в мятом пиджаке и потертых джинсах, и ветер вздымает на макушке его гордой головы червонный хохолок волос. И сколько тысяч раз я ни буду успокаивать свою совесть самыми вескими аргументами, я никогда не смогу себе простить, что не почувствовал всем сердцем, всей плотью своей, что уходит он навсегда, что не выскочил я из машины и не пошел с ним рядом.

Не пошел с ним рядом...

Не пошел с ним...

Неправда, что годы стирают боль утраты. Нет, это неправда. Они просто загоняют эту боль в глубь души – и ты ходишь, смеешься, смотришь телевизор и ласкаешь детей, но стоит закрыть глаза и хоть на мгновение опустить вожжи памяти – и она, эта боль, вынырнет из глубины твоего сознания и вцепится в сердце жадными когтями – и сердце закричит, забьется – и хоть тысячу раз теперь открывай глаза – оттуда, из восемнадцатого июля, дохнет жарким летом, и мой друг Алеша, помахав рукой, пойдет по улице вниз к морю, и ветер будет играть червонным хохолком его волос.

Отплакала душа, но не отболела. И не отболит, пока гоняет сердце кровь по жилам, пока жива услужливая память.

...Я поднялся в санаторий «Лазурный берег» и начал свою нудную, но неизбежную работу, которая начиналась почти всегда одинаково – с поисков кого-нибудь из администрации. Потом – «посмотрите внимательно», потом – «не видела», потом – снова – «не встречала». И тут будто кто-то схватил меня за шиворот и швырнул к выходу. Я не знаю и никогда не смогу объяснить, что это было. Просто я, ни слова ни говоря, – сунул в карман фотографию Коршуна и рванул из кабинета администратора вниз, по широкой лестнице и, едва открыв Дверь, заорал водителю: — В Тихий! Быстро!

И влетел в машину, как джигиты в седло – и мы помчались обратно, и через десять минут повернули вниз по улице к морю, а еще через минуту я понял, что опоздал. Толпа на пляже шарахнулась от визга тормозов – и я увидел Алешу. Он лежал лицом вниз, словно прислушиваясь к сердцу земли, и задравшиеся пиджак и рубаха открывав белую полоску его тела. Я даже не подошел к нему. Я выхватил пистолет и прошептал только одно слово:

– Куда?

И множество людей показало вправо, где сразу же за пляжем начинались виноградники, смыкавшиеся на горе метрах в пятистах с садом. Кто-то пытался мне втолковать, что побежали звонить в милицию и «скорую», о я это слышал будто по телефону из Владивостока, не имея сил оторваться взгляда от белой полоски тела, режущей мне глаза

«Он все-таки вычислил его, Алеша. Он вышел на него... Он вышел», – стучало в висках и я медленно побежал в гору, туда, куда показывали люд. Я побежал, повторяя про себя: «Он все-таки вычислил его, он вышел на него», как будто это сейчас была самое главное.

Я даже не заметил, когда у меня в руке оказался пистолет, но осознал себя уже у сада. Я мчался вверх гигантскими скачками, не задыхаясь, будто не было у меня сердца.

Я бежал за ним, как зверь, по запаху, по биотокам его страха, по волчьим следам первобытной интуиции, бежал, ни секунды не сомневаясь, что возьму его за горло и взгляну в его визжащие от ужаса глаза и плюну в них – и хряснут, как спички, его позвонки.

Я даже не удивился, когда увидел его...

...С точностью до секунды мы восстановили эти сорок минут. Так точно, будто это было со мной, и, вероятно, так бы оно и было, если б он, Алеша, поехал в санаторий, а я пошел по улице вниз...

Он зашел в спортзал и сразу увидел заведующего. Раскладушек уже не было, но в углу все еще лежали несколько матов, и на них валялись рюкзаки. Алеша достал фотографию Коршуна и показал заведующему.

— У вас этот товарищ не останавливался? Гигант испуганно глянул на Алешу, хлопнул рыжими ресницами и заныл:

– Попросил только рюкзак положить, пока искупается. Я с него копейки не взял...

– Где он? – жарко выдохнул Алеша, мгновенно переложив пистолет из внутреннего кармана в боковой. – Где, спрашиваю?

– На пляже, – совсем обалдел от пистолета и ярости в глазах Алеши гигант. – Они на пляже купаются.

— В море купаются, друг, в море, а не на пляже – лихорадочно прошептал Алеша и спросил: – Телефон есть?

— Нет, – испуганно и виновато бормотнул гигант.

– Тогда вот что. Сколько есть сил беги к телефону, звони в милицию и скажи только эти слова. Только эти: – Коршун на пляже у спортзала, Петров там же... Понял?

— Понял.

— Ну, беги.

Алеша вышел из спортзала и, стараясь прикрываться кустарником справа, подошел к пляжу. Не выходя на открытое место, он повел взглядом слева направо – и тут же наткнулся на горящие злобой и ненавистью глаза Коршуна. Раздумывать было поздно. Выхватив пистолет, Алеша в два прыжка очутился перед Коршуном и тихо приказал:

— Ну-ка, давай, гад, потихоньку ножками в сторону спортзала.

Коршун судорожно открыл рот, с трудом сглотнул заполнившую рот слюну и прошипел:

— Выследил все-таки, змееныш. Так я почему-то и думал, что если кто и выследит, так ты. До смерти не прощу себе, что не пристукнул вас, когда уходил.

— Недолго осталось ждать, – жестко, с ненавистью усмехнулся Алеша – и повторил: – Ну, давай, шевелись!

Коршун нагнулся за тенниской и вдруг звериным прыжком рванул в сторону, схватил пятилетнюю девочку и прижал к себе, одной рукой держа ее за горло. Он был бледен, как мел.

— Ты меня знаешь, Петров. Один шаг – и я сдавлю горло. Ты понял? Слушай меня внимательно. Считаю до трех, если за это время ты не бросишь мне пистолет под

ноги, я оторву эту голову! Ты знаешь, мне терять нечего. Ты лучше всех это знаешь, Петров! Итак...

В эти считанные мгновенья все вокруг окаменели и онемели. Только два горящих животной ненавистью взгляда бились в жуткой, невидимой посторонним, оглушающей, смертной схватке.

И закричала девочка, и Алеша закричал отчаянно и обреченно:

— Оставь, гад, ребенка!

— Ра-а-а-з, – протяжно сказал Коршун, и рука его на шее девочки напряглась...

Он точно рассчитал, этот гад. Он знал, что Петров не допустит смерти девочки, он, Коршун, был в этом уверен, ибо все эти шесть лет, которые провел с нами под одной крышей, ненавидел нас именно за то, что никогда бы так не смог поступить. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Он и бесился, и истекал желчью, и старался нас хоть чем-то унижить, показать свое превосходство, хорошо понимая своим извращенным разумом, что нищ духом.

Он страстно хотел, Коршун, чтоб люди вокруг были такими же черными изнутри, как он сам, чтоб мир вокруг был таким же грязным, как его душа. Он яростно хотел этого, ибо в таком мире ему была бы хоть какая-нибудь цена. Но такие люди, как Алеша, всей своей жизнью утверждали, безоговорочно доказывали, что мир никогда не будет, не может быть таким. Рядом с Алешей он, Коршун, чувствовал свое ничтожество и копил по крохам ненависть к людям – до тех пор, пока она до краев не наполнила его грязную душу. И тогда она выплеснулась наружу кровью, ненасытная и беспощадная.

— Два-а-а, – так тихо, что Алеша оглох, – сказал Коршун, и мышцы на его руке вспухли.

Оглохший и ослепший от боли бессилия, Алеша швырнул пистолет под ноги Коршуна. Не знаю, о чем он думал, мой друг. Может, вообще ни о чем не думал, но каждое мгновение этих трех секунд было наполнено прекрасным, высоким смыслом, к которому он шел всю свою недолгую жизнь.

Коршун отбросил девочку и схватил пистолет – и тут же раздался звериный горестный вопль женщины, бегущей к ним от моря. Коршун невольно оглянулся и Алеша немедленно взлетел, вытянув вперед руки. Он летел к своему убийце, вцепившись взглядом в его жилистую, мощную глею, и его руки летели вслед за взглядом, чтобы сомкнуть железное кольцо ладоней вокруг этой ненавистной шеи, и разом покончить со злом на земле, ибо все оно, многоликое и многогранное, заключено было в этом вот страшном человеке.

И когда летящие руки уже почти коснулись горла Коршуна – в Алешу в упор ударила пуля и перевернула его, и последнее, что он увидел, были большие и чистые глаза девочки – и он уже летел к ним, он все летел к ним и летел, чтобы смыть с себя пот и кровь – и навеки остаться чистым, как глаза девочки, словно прозрачные горные родники.

Я даже не удивился, когда увидел его. Ловко, как обезьяна, он лез в гору, буквально в тридцати метрах от меня. В одной руке у него был рюкзак – вот когда Коршун потерял время! – в другой пистолет. Он карабкался вверх, помогая себе рукой, в

которой был зажат пистолет, и глаза его жадно шарили по вершине, где начинался спасительный для него лес.

— Стой, Коршун! Повернись ко мне лицом! – крикнул я. – И он остановился, не поворачиваясь, и спина его напряглась, как у зверя перед прыжком. Так же не поворачиваясь, тяжело дыша, он, задыхаясь, выкрикнул:

— Второй змееныш объявился? Что ж, все правильно! – и резко повернувшись, выстрелил, падая, и пуля шлепнулась где-то рядом о камни. Он уже катился ко мне, пытаюсь ухватиться за кусты, и впереди его катился пистолет. Но рюкзак Коршун не выпустил. Он упал в трех-четыре метра от меня. Я ногой сбросил его пистолет вниз, под гору, Устало сел на камень, и, мертвея от ненависти, приказал:

– Вставай, сволочь, и смотри мне в глаза, если сможешь. Я казнить тебя буду.

Он медленно поднялся. Налитые кровью глаза его дымились страхом и ненавистью.

— Самосуд, Куренков? За это не помилуют, тяжело, прерывисто дыша, прохрипел он.

— Да, самосуд, сволочь. Это по-твоему, по-моему – суд!

Мой слух уловил внизу далекие возбужденные голоса. По следу Коршуна шла погоня. Он их тоже услышал. Дымящийся ненавистью и страхом его взгляд вскарабкался вверх, туда, где чернел такой близкий и недостижимый для него. лес.

— Вот так-то ты можешь, Куренков. С оружием на безоружного. Так вы можете!

— Да нет, сволочь. Это ты так можешь. А мы можем и так, – и я швырнул свой пистолет за спину.

Я тогда совсем не думал, что делаю: глупость или преступление. Я был не в состоянии анализировать. Я просто знал, что я не дам этому гаду ни малейшего шанса усомниться в нашем превосходстве, презрении к нему. Я не мог позволить, чтоб этот убийца хоть на мгновение подумал, что его боятся, что он сильнее. Я просто не мог допустить. Не мог допустить во имя памяти моего друга Алеши.

В кровавых глазах Коршуна мелькнуло изумление, ужас и ненависть, и мгновенная животная радость. Он прыгнул ко мне в боевом развороте, и нога его нацелилась мне в грудь. Но я знал контрприем и, упав на левую руку, сильным ударом коленки перевернул его вокруг своей оси. Он шлепнулся на спину, и я прыгнул на него – и это была моя ошибка.

Он рванулся влево, сбросив меня ударом локтя, и тут же его руки потянулись к моему горлу. Он был сильнее меня, Коршун. Но он не знал, что бились мы с ним двое. Я и Алеша. Вот этого он не знал, и рано, очень рано загорелось торжество в его злобных глазах.

Я ни разу не мог в условиях тренировочной схватки применить коронный Лешин прием, которому он много раз пытался меня научить: захват ногами левой ноги противника, резкий выход на мост — и переворот с болевым приемом. Но на этот раз он у меня: получился, он не мог у меня не получиться, потому что со мной рядом боролся Алеша. Я резко встал на мост, крутанул ногами влево тяжелое тело Коршуна, поддал грудью – и он перевернулся, и мои руки ухватили его левую, и я рванул ее вверх со страшной силой – и она хрустнула, и с горы к морю, к испуганным людям, прыгая через камни и кусты, покотился звериный вопль боли.

Схватив за волосы, я поднял его голову и со страшной силой ударил в лицо, потом второй, третий раз, замахнулся четвертый, но кто-то перехватил мне руку.

— Он без сознания, Витя.

Я сидел верхом на Коршуне и непонимающе, дико смотрел вокруг. Мой мозг отключился. Я глазами видел Дзюбу, Цыпкало, но не воспринимал их как реальность. Они пытались меня поднять, но я упирался, цепляясь за Коршуна, будто они хотели отнять его у меня, лишить меня права покарать его за все – за Алешу, предательство, за грядущие мои муки и боль.

Я, видно, давно израсходовал весь запас своих нервных сил, мобилизованных только на одно – взять Коршуна, и теперь бился в истерике, требовал пистолет, чтоб пристрелить сволочь, и очнувшийся Коршун с ужасом смотрел на меня и жался к огромному старшине, крепко державшему его за здоровую руку.

Цыпкало обнял меня, легонько надавил на спину плечом и повел вниз, упирающегося, и я шел, бессвязно бормоча, и слезы текли по моему лицу, он их вытирал платком, как ребенку, и что-то говорил успокаивающее и доброе.